

Зои Соммерсвил

ДОМ
НА
БОЛОТАХ

Чердак: готические романы

Зои Сомервилл

Дом на болотах

ООО "Эвербук"

2022

Сомервилл З.

Дом на болотах / З. Сомервилл — ООО "Эвербук",
2022 — (Чердак: готические романы)

ISBN 978-5-00-580337-5

Декабрь, 1962-й год. Потеряв родителей, брак и едва не потеряв себя, Мэлори отправляется праздновать Рождество в окутанный тайной особняк на побережье Норфолка. Разбирая со своей дочерью Фрэнни старый чердак, она находит дневники девушки, которая жила здесь больше тридцати лет назад. Июль, 1930-й год. Спокойное существование Розмари в Доме на болотах тревожат лишь слухи о ее безумной матери и насмешки сверстников – до тех пор, пока в деревне не появляется элегантная семья Лафферти. Ослепленная прекрасной Хильдой и ее очаровательным братом Фрэнклином, Розмари не замечает опасности, скрывающейся за их роскошными масками... Размытые строки в кроваво-красном переплете все сильнее затягивают Мэлори в прошлое, и загадочный особняк на болоте сближает двух женщин, разделенных десятилетиями.

ISBN 978-5-00-580337-5

© Сомервилл З., 2022
© ООО "Эвербук", 2022

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	14
5	15
6	20
7	21
Первая записная книжка	24
8	24
9	29
10	31
11	36
12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Зои Сомервилл

Дом на болотах

Алексу и Джесси

1

С тех пор как дом построили, казалось, что ему там самое место. Как обломку кораблекрушения, чем он и был; корабль, севший на мель в соленом болоте.

Каркас у него был деревянный, обложенный кирпичом и песчаником, как у большинства местных домов, но он отличался от всех остальных. Кособокий, скрюченный, в стенах слишком много мелких окошек, похожих на орудийные порты. Его выстроили из бруса, собранного после крушения в Котловине. Может, так и навлекли несчастье. Говорят, он построил дом для нее, для молодой жены, которую привез с Востока, в надежде, что она смирится с дальним переездом сюда, на берег устья реки и моря, где у нее никого не будет, кроме вида на Котловину; что она родит ему розовощеких детей, взрастит их на соленой воде и небе. Только вышло все несколько иначе, правда?

Он назвал дом Сволфилдом, по участку, на котором тот стоял, но вскоре все стали говорить «Дом на Болотах». Он все свои сбережения на него потратил – проводка, вода, слив, все, – но свет мигал, а слив забивался, и с болот в поисках еды приходили черные крысы. К тому времени, когда его дочка стала превращаться из ребенка во взрослую девушку, соль и испарения болот пропитали дерево, заставив сочленения и стены распухнуть и вздуться, дорожка заросла, и никто больше туда не ходил.

В доме много лет никто не жил, когда они прошлой зимой сюда приехали. С того самого переполоха в тридцать четвертом.

Я за ней наблюдала из своего окна. Наш коттедж, понимаете, смотрит на Дом на Болотах. Снизу вверх смотрит, через проулок. С дороги наш коттедж не увидишь, он спрятан, почти ушел в болото. Задняя стена как раз над устьем реки. Когда сидишь в сортире, снизу щиплет от соли.

В проулке других домов нет. Говорю же, никто сюда не ходит.

Дело шло к Рождеству, когда она объявилась. Снег еще не выпал, но холод стоял лютый, и я возилась у плиты, как сейчас. Больше в доме нигде толком никогда было не согреться. Я услышала шум машины, а потом по дороге проехала эта вырвиглазно-оранжевая тварь – мерзкий яркий оранжевый, невозможно не смотреть, потому что все вокруг бесцветное по зиме. На ней шуба, а рядом бледный слабенький на вид ребеночек и мелкая брехливая белая собачонка. Я за ней смотрела из окна.

Сперва подумала, что эта мелочь собачья растревожит животных. Особенно пса.

Вижу, на капоте у нее вмятина. А глаза опухшие, и на щеках следы слез, и черные дорожки тянутся, как паутина, по хорошенькому личику. И тут я думаю – ну, приехали.

Только я не удивилась, что ее увидела. Нет, она самая. Мы ее ждали.

2

Дом на болотах

21 ДЕКАБРЯ 1962 ГОДА

Оно выскочило из ниоткуда. Мэлори свернула на углу, и, наверное, на дороге был лед, потому что показалось, что машина заскользила, как на коньках. Низкое зимнее солнце било в глаза, Мэлори сощурилась, крепко держа руль, склонилась вперед, чтобы что-то увидеть под пылающим светом. Дорога изогнулась влево, и тут в поле ее зрения метнулась темная тень, выпрыгнула перед машиной. Она вильнула, чтобы увернуться, – или ее уже занесло, – но было поздно. Машину ударила в нос живая изгородь. Мэлори заорала. С заднего сиденья что-то кричала Фрэнни. Мощный удар сотряс тело Мэлори.

Когда она открыла глаза, в ветровое стекло упирались заиндевевшие колючие ветки, а сквозь них сосульками торчал свет. Скулила собака. Руки Мэлори, затянутые в перчатки, по-прежнему сжимали руль, щеки вдавило в шерсть. Шею пронзило резкой болью. Господи, подумала она. О господи. Снаружи на изгородь вспорхнула малиновка, так близко, что Мэлори различила ее черные глазки-бусинки и перышки на красной грудке. Фрэнни? Она обернулась, представляя себе кровь, – только Фрэнни на месте не было. Но снизу доносилось скуление Ларри, а потом она услышала:

– Мам?..

Приподнявшись на сиденье, она развернулась, наклонилась, и – вот они, ее дочь и собака, распластались на полу.

– Цела? Встать можешь?

Из сумрака за передними сиденьями на нее уставились белки глаз Фрэнни. Она обо всем расскажет Тони; Мэлори снова захотелось заорать.

Она медленно задышала носом и протянула руку, чтобы дотронуться до Фрэнни, которая забилась глубже под сиденье. Ларри принялся лаять.

– Все хорошо, все хорошо. Подними его, Фрэнни.

– Он тяжелый, – ответила та, но сделала, как велели, и Мэлори чуть не заплакала от облегчения.

Веки у Фрэнни покраснели, из носа подтекало. Восемь лет, постоянно простужена. Мэлори улыбнулась дочери, но Фрэнни уставилась на нее с непроницаемым лицом.

Мэлори попыталась дать задний ход. Передние колеса закрутились, но машина не двинулась. Перебравшись через рычаг передачи, Мэлори открыла пассажирскую дверь и почти вывалилась на землю. На дороге было тихо, никого, просто бешеное солнце горело над изгородью и наваливалось сверху огромное бледно-голубое небо. Крышка капота спереди оказалась сильно помята, словно в нее врезалось тяжелое животное. Но никого не было видно, ни следа. Убрав с лица выбившуюся прядь, Мэлори осмотрела переднее колесо, заглянула под машину. Она ведь точно что-то сбила – насмерть? Но что бы это ни было, оно исчезло. Что это вообще могло быть? Порывшись в памяти, Мэлори решила, что видела черное животное – не птицу, – слишком крупное для кошки и слишком темное для зайца.

– Что это такое?

Фрэнни как-то удалось выбраться наружу. Мэлори съехала по боку машины и привалилась к нему, чувствуя сквозь юбку уже твердую от приближающихся ночных заморозков землю.

– Не знаю, – сказала она.

Может быть, если притвориться, что ничего этого нет, оно исчезнет. Так несправедливо, все это несправедливо: ссора с Тони; его роман; жуткая машина, которую он ей купил; чертова

собака, которую он подарил Фрэнни вместо братика, сестрички или друзей; молчание Фрэнни всю дорогу от Лондона. Холод. Пустота в голове. И хуже всего – то, что она привезла их не куда-нибудь, а именно сюда. Сюда, неподалеку от того места, где она выросла и где похоронены ее родители. Но в квартире полно вещей Тони. Это его квартира, и она не может больше там оставаться. А в дом – в этот дом – можно уехать.

В хосписе пахло плесенью. Она хотела открыть окна, впустить свежий воздух, но был октябрь, и шел дождь. Конденсат стекал по стеклам, собирался лужицами на подоконниках. Она не хотела связываться с этим мертвым местом. Просто хотела со всем покончить. Неделю назад ей позвонили.

– Вы можете приехать, миссис Кэвендиш?

Ваша мать вас спрашивает.

– Уверены?

Мать лежала в постели, очень маленькая и белая, в ее дряхлой руке стояла капельница.

– Ты приехала. Мэри.

– Нет, мама, я Мэлори.

Никто ко мне не приходит. – Уголки глаз у нее были влажными, Мэлори не могла вспомнить, видела ли когда-нибудь, чтобы мать плакала. – Мэри. Ты была такая худющая. Подойди. Подойди ближе. Я обещала твоему отцу, что я... Ох...

Ее лицо исказилось от боли. Она казалась такой старой и беспомощной. Мэлори знала, что не такая она и старая, но рак ее состарил, гниль разрослась внутри, и теперь мать словно уменьшилась в размерах, как будто из нее уже высосали жизнь. Тонкая рука матери ухватилась за руку Мэлори. Голос у нее дребезжал.

– Возьми. Возьми это. – Она сунула в руку Мэлори пластиковый на ощупь прямоугольник вроде фотографии. – Я не могу тебе рассказать. Слишком поздно. Не могу, Гарри, не могу.

Она смотрела на Мэлори с застывшим лицом, на котором мешались стыд и обида. Ее ум был так затуманен морфином, что она говорила со своим покойным мужем.

Мэлори посмотрела на то, что мать вложила ей в руку. Фотография. Черно-белый снимок дома. Он выглядел знакомо, но Мэлори не понимала почему.

– Остальное я отдала тому приятному мужчине.

– Кому? Какому мужчине?

– Твоему приятному мужчине. Он всегда был лучше, чем я.

Кто – Тони? Но мать, казалось, говорила скорее сама с собой, чем с дочерью.

– Ему это оказалось легче, чем мне. Лучше бы остался он, а не я. Он с тобой управлялся лучше, чем я. Хороший был человек, Гарри. Хороший отец.

– Папа? Папа хотел, чтобы это было у меня, мама? Почему папа хотел мне это отдать? Я там была?

Но мать снова погрузилась в морфиновое беспомыслие.

– Кофе?

Тони стоял на пороге со стаканчиком отвратительной жижи, которая в хосписе сходилась за кофе. При звуке его голоса у матери задрожали веки.

– Я с ней посижу, – сказал он. – Иди отдохни.

– Да, – ответила Мэлори, – хорошо. В руке она так и держала фотографию.

Почему мать с ней просто не поговорила, когда умер папа? К чему все эти чертовы шпионские игры? Ладно, в семье есть какая-то позорная тайна. И что? Ей наплевать. Папа умер. Это все уже не имело значения. Мэлори чувствовала, как закипает, клокочет от ярости, у которой, казалось, не было ни источника, ни выхода.

По дороге домой Тони отвечал уклончиво.

– Нет, мать ничего не говорила. Но она сказала, что говорила. Сказала, что что-то тебе отдала.

– А, это. Просто кое-какие бумаги, Мэл. Я их не просматривал, они в чемодане. В ее словах не больно много смысла, правда? – Он приобнял Мэлори. – Сейчас не время.

Мэлори надулась, злясь на мать за то, что та заставила ее переживать, злясь, что мать заставила ее злиться. Потом мать умерла. А к тому времени ее уже поглотила смерть собственного брака. Похороны состоялись только в ноябре, в линиялый, цвета сепии день. Как на негативе фотографии, остались только тени.

Она чувствовала – что? Ей не то чтобы хотелось чем-то заполнить пустоту, это было слишком просто, но образ этого дома ее не отпускал. Если бы только папа был рядом, чтобы с ним поговорить! Он хотел передать ей фотографию. Наверное, она для него что-то значила, что-то, о чем мать не хотела ей рассказывать. На обратной стороне кто-то написал старомодным почерком: «Дом на Болотах, Стиффки». Дата не указана. На фото был изображен неуклюжий асимметричный дом с крытым крыльцом посередине и щипцом сбоку, к нему шла изгибавшаяся дорожка, по обе стороны стояли темные деревья, передний план терялся в тени. Деревня на северном побережье Норфолка, это Мэлори знала, но больше ничего. Она понятия не имела, какое отношение к дому имеют – если имеют – ее родители. Она думала, они оба из Нориджа. Но их уже не спросишь.

В тумане после похорон она позвонила в агентство, занимавшееся арендой недвижимости. Вероятность того, что дом доступен, казалась ничтожной, но она не оставляла попыток, пока не нашла кого-то, кто сказал: да, он пустует, она может его снять, если ей так хочется. Сказано это было таким тоном, что затея показалась чистым безумием. Поначалу она собиралась просто съездить взглянуть на дом, но мысль начала оформляться и расти, пока не превратилась в ее единственное желание. Они поедут туда на Рождество. Отметят праздник как положено, по-семейному, она и Фрэнни. Ей нужно что-то делать, что-то хорошее. Подальше от грязи и сажи Лондона, от затхлого отравленного воздуха ее неудавшегося брака. Они смогут продышаться, распрямиться, побыть вместе.

Она не хотела, чтобы все вышло вот так.

На колено ей легла рука. Фрэнни. Прижимает к себе собаку. Фрэнни смотрела на мать, разбитую, заплаканную, сломленную, сидевшую посреди деревенской дороги, с такой тревогой, что Мэлори стало смешно.

Никто не умер, – сказала она, и голос у нее в голове прошептал: «Еще как умер». Но она притянула негнущееся тельце Фрэнни к себе и погрузила ее обратно в машину. На бормотание Фрэнни она внимания не обращала. Пока она толкала и выпихивала машину обратно на дорогу, небо сделалось густого цвета фуксии.

– Ты посмотри, какой цвет! – крикнула Мэлори.

Дом был чуть дальше по дороге. Машина свернула в проулок, и слева встали деревья, прямые и темные, как часовые. В ее воображении сквозь эти деревья сочилось солнце и она гуляла под ветвями по ярко-зеленому туннелю. Ближе к концу проулка слева стоял дом, единственный дом. Проулок шел дальше в болота. В голове у Мэлори возник образ дома, излучающего свет, приглашающего ее войти. Она подалась вперед, внезапно отчаянно захотев его увидеть.

3

Вышивка

Света не было. Просто виднелось что-то темное. Мэлори охватило резкое сокрушительное чувство, что она совершила ошибку. Множество мелких глаз дома – она насчитала на фасаде по крайней мере восемь окон – были слепы, и в сумраке его сложенное из песчаника и кирпича лицо казалось тусклым и неприветливым. Может, дело во времени суток. Выступающее вперед крытое крыльцо, за которым пряталась входная дверь, зияло темным провалом, как разинутый рот. Мэлори выключила двигатель, и все затопили сумерки. Гдето на другой стороне проулка яростно лаяла собака. Затылок у Мэлори закололо, словно кто-то на нее смотрел, и она обернулась. Ей показалось, что среди деревьев за дорожкой что-то шевельнулось. Схватив шубу, она выскочила из машины, но деревья все скрыли. Она попыталась вспомнить, что сказал агент. Они должны встретиться здесь? Темнело; скоро станет еще холоднее. Надо попасть внутрь. Гдето должен быть ключ.

– Мама? Что ты делаешь?

Фрэнни стояла рядом, держа на руках собаку.

– Мне нужно найти ключ.

– Где море? – заныла Фрэнни. – Ты сказала, он на море.

– Рядом, – ответила она.

Где он может быть? Под ковриком? Коврика не было. Возле двери стоял старый глиняный горшок. Наверное, там. И правда там – под сырым горшком ржавый старый ключ. Она облегченно расслабила плечи. Все будет хорошо.

Дверь была тяжелая, деревянная, с грязным окошечком и потемневшим дверным молотком в форме якоря, тускло поблескивавшим в угасающем свете дня. Длинный ключ немного заело в замке, и на ужасное мгновение Мэлори показалось, что он не повернется. Ее снова затрясло от паники, но она заставила себя выдохнуть. Попыталась еще раз. Ключ повернулся, замок клацнул, и дверь распахнулась. Внутри оказалось ненамного теплее. Повеяло пылью и старостью. Правда, электричество было, слава богу. Мэлори щелкнула выключателем, мигнув, засветились старомодные медные бра, и в их бледном свете стали видны потертый ковер, низкий ряд панелей на стенах и обои в цветочек. На консольном столике темного дерева с резными ножками стоял вертикальный телефон с отдельной трубкой – как из антикварного магазина. По крайней мере, двадцатый век у них наступил. Но дальнейший осмотр показал, что дом застрял за несколько лет до него. Потолки были низкими, с балками; обои, покрытые густым переплетением стеблей с мелкими желтыми цветочками и зелеными листьями, отставали по краям. От стен шел плесневелый запах заброшенности и сырости, и Мэлори задумалась, когда здесь в последний раз открывали окна. Она прошла в кухню в глубине дома. Там обнаружили древние шкафчики, старая газовая плита и потрескавшаяся эмалированная мойка под окном. Пыльное окно выходило в длинный двор, и Мэлори сразу, даже в сумерках, поняла, что там, сразу за низкой стеной в конце, болота. Завтра они туда сходят. Будут гулять по тропинкам вдоль ручьев и смотреть на гладкие головы тюленей.

– Я есть хочу, – сказала стоявшая на пороге кухни Фрэнни; она так и держала на руках собаку, та зарылась носом в ее пальто.

Мэлори отправила ее осмотреться в доме, а сама взялась разжигать газовую плиту (спички она нашла в ящике и снова поблагодарила бога – или надо было агентство?) и ставить чайник. На полке над плитой рядом стояли пыльные коричневые пузырьки вроде аптечных. Внутри оказалась темная тягучая жидкость. Мэлори взяла пузырек и вынула пробку, но оттуда пахло тухлятиной, и она тут же сунула пробку обратно. Тостера не было, но они привезли

нарезанный хлеб, его можно пожарить под грилем. Она справится. Правда, молока и масла тоже не было, и на мгновение она ощутила, как колеблется и шатается прямо на ледяном полу.

Ужинали двумя кружками черного чая и тостами с джемом без масла. Угля тоже не оказалось, камин не разжечь, так что было еще и жутко холодно. При виде чая Фрэнни скорчила рожу, но тост съела, а корочки скормила собаке, которая сидела возле ее стула и клячилась.

– Мам, если мы тут будем на Рождество, нам нужны игрушки и елка.

Сегодня какое? Двадцать первое. Солнцеворот. Завтра суббота. В воскресенье все магазины будут закрыты, а потом уже сочельник. Она и подумать не могла о том, чтобы хоть что-то пытаться сделать в сочельник. А если Тони и придет и ничего не будет, он так сложит губы, что она опять почувствует, что облажалась. Надо ехать завтра.

– Мам, – сказала Фрэнни, – а папа когда придет? Скоро, – ответила она.

– Завтра?

– Нет, не завтра. В воскресенье. Или в понедельник. Скоро.

Всего два дня прошло, но она едва могла вспомнить тот разговор. Схватила его за руку, но он ее оттолкнул. «Мне нужно идти». – «Ну, иди». И он ушел. Ушел к ней, к той девушке в клубе. Мэлори задумалась, сколько ей лет, может, столько же, сколько было ей самой, когда они познакомились, молодое тело, не тронутое родами. Он не вернулся, и Мэлори наврала Фрэнни, что он на работе.

Казалось, Фрэнни готова заплакать. Под глазами у нее залегли серые круги. Дочке снились кошмары, она редкую ночь спала, не просыпаясь.

– Пора в постель, – притворно жизнерадостным тоном сказала Мэлори и повела Фрэнни наверх.

Ларри поплелся следом. Потолки здесь были такие же низкие, площадка будто загибалась вверх. Стены на площадке покрывали панели темного дерева, как внизу, но тут они доходили до потолка, из-за чего казалось, что ты в перевернутой лодке.

– Вот моя комната, – сказала Фрэнни. – Я ее уже нашла.

Детская с сумрачно-розовыми обоями и узкой кроватью под покрывалом в розовых веточках. Крошечное низкое окошко выходило на дорогу.

– Смотри, – сказала Фрэнни, показывая на стену над кроватью.

К ней была прибита пожелтевшая вышивка, изображавшая дом среди островков песчаного тростника и море позади. Тот самый дом, где они сейчас, Дом на Болотах, вышитый ровными стежками, серыми, где песчаник, и красными, где кирпич. Мэлори вытянула шею, чтобы рассмотреть получше, и задохнулась. Перед домом была изображена странная женщина, стоявшая возле большой похожей на волка собаки с желтыми глазами. А рядом с ней – девочка с длинными черными косами и зелеными крестиками вместо глаз, державшая на руках каштановую собачку. По другую сторону дома – невысокая темноволосая женщина с опущенными углами рта. Вдоль верхнего края красными нитками был вышит текст: *«Пусть правда с чистой совестью меня ведут во всем отныне, неопытность мою хранят от чванства и гордыни».*

Вышитое внизу Мэлори прочла вслух:

– Работа Розмари Райт, восьми лет.

Мэлори подумала о своем светленьком пухлом отце – с трудом верилось, что эти люди могут быть с ним в родстве. Но она постаралась подавить первоначальное разочарование. Он мог быть связан с домом как угодно. Мог здесь работать, мог быть другом семьи. Какая-то связь точно есть.

По лицу Фрэнни блуждала непонятная улыбка.

– Ей было столько же, сколько мне. И у нее тоже была собака, как Ларри. Это ведь этот дом, да?

– Да, судя по всему, да, – сказала Мэлори с облегчением: хотя бы Фрэнни повеселела.

Фрэнни без капризов почистила зубы и дала расчесать свои длинные волосы. Без капризов приняла таблетку от нервов и легла в постель, обнимая плюшевого мишку Фредерика, послушная девочка. Расцветкой она удалась в Мэлори: бледная с темными волосами, на свету отливавшими медью. Видя их рядом, все говорили:

«Ну вылитая» и все такое. Но вообще это было неправдой, просто всех вводили в заблуждение волосы и зимняя землистая кожа, летом становившаяся грязно-бурой. На самом деле у Мэлори были болотно-серые глаза и мелкие черты лица, а само лицо круглое, из-за чего она выглядела по-детски; и волосы тусклые, прямые, как палки. Она зачесывала их назад, подкалывала наверх, но с ними никак не получалось что-то сообразить. Все всегда думали, что она моложе, чем есть, а дочь выглядела старше своих лет. У Фрэнни глаза были зеленые, цепкие, и между бровями залегла хмурая складка, которую Мэлори хотелось разгладить. Ларри свернулся в ногах узкой кровати клубком кремовой шерсти. У Фрэнни хотя бы есть собака, с ней и не так одиноко, и теплее.

Оставшись одна в кухне, Мэлори открыла бутылку хереса, которую привезла на Рождество, налила себе бокал, потом села, завернувшись в шубу, которую ей купил Тони, и стала пить херес и курить оставшийся «Ротманс», одну за другой. Окошко отражало свет кухонной лампы. За ним была темнота, пустота сельской природы, только дом отделял их с дочерью от того, что лежало снаружи. Пространство неведомого – свое уединение – Мэлори ощущала как нечто физическое, как огромное давящее объятие темноты; ей пришлось упереться головой в столешницу. Она представила, как лезет в сумку за люминалом, который выписал врач, как глотает таблетку, запивая ее хересом. И так легко, и отпускает. Но она заставила себя прекратить. Она стала слишком часто хвататься за таблетки, нуждаться в них, стала опять погружаться в ступор, как тогда, когда Фрэнни была маленькой.

Несколько лет назад, когда Мэлори поставили диагноз «нервное истощение», врач посчитал, что спровоцировала его смерть отца, но оно уходило куда глубже. У нее просто не было таланта к счастью. Она боялась, что если снова начнет принимать таблетки, то уже не остановится. Она так устала, что не могла уйти с кухни, так устала, что ничего не могла, и после трех бокалов тошнотворного хереса слишком устала, даже чтобы пить. Может быть, у нее получится сегодня поспать после долгой дороги.

У нее закололо затылок. Было что-то – на самом слуховом пороге, – что она никак не могла уловить. Она застыла, закрыла глаза; напрягла все остальные чувства. Ничего. Мертвая тишина, и все. В деревне ей было так непривычно, что делалось тревожно. Если очень-очень сосредоточиться, услышишь, как поскрипывают, подаваясь и оседая, стены, как задувает в печные трубы и вылетает прочь слабый ветерок. Потом что-то заскребло; тихое царапанье наверху. Мыши.

В спальне в глубине дома Мэлори улеглась в бугристую холодную постель, потеряла друг о друга ноги и постаралась зарыться в шершавые простыни, чтобы хоть как-то согреться. Имелась еще одна комната, побольше, – она открывала дверь и заглядывала туда, – но мебель была накрыта чехлами, а света, казалось, не хватало, чтобы осветить ее полностью. Похоже было скорее на зал прощаний в похоронной конторе, чем на спальню, так что Мэлори выбрала ту, что выходила на восток. В конце концов она прекратила попытки согреть застывшие ноги и отыскала пару носков и тяжелое шерстяное одеяло. Все не так уж плохо. Они здесь. Они справились. Если у них получится еще только одно это семейное Рождество, все пойдет на лад. Утром все будет иначе. Завтра будет лучше.

В ту ночь она проснулась от сна, в котором фигуры с вышивки ожили и лица у них поменились на ее лицо и лицо Фрэнни. Они с Фрэнни во сне шли по болоту.

Разбудил ее крик чайки. Ноги снова заledenели. Занавески были белые, тонкие, лунное сияние наливалось их стеклянистым блеском. В темноте слышался какой-то шум, похожий на детский плач. Наверное, чайки во сне; она не до конца проснулась. Вот, опять. Окно застучало

в раме. Ветер. Она закрыла глаза, попыталась снова погрузиться в сон, но звук повторился, и тут она проснулась и села в постели. Наверное, Фрэнни. Она поплотнее запахнула халат и на цыпочках вышла из комнаты. На площадке она остановилась: плач прекратился. Но проверить все равно не помешает. Она открыла дверь и шагнула в комнату. Здесь луна светила сильнее, придавая комнате какой-то сюрреалистический вид, словно на картине или во сне. И Фрэнни, и Ларри спали, но дочка ворочалась в постели и постанывала. Наверное, это Мэлори и слышала. Повернувшись к выходу, она бросила взгляд на странную вышивку над кроватью. Ее наполовину освещала луна. Наверное, по небу прошло облако, потому что по ткани скользнула тень и фигуры почти зашевелились. Потом луну снова закрыли тучи, и комната погрузилась в сумрак. Мэлори поежилась и потеряла глаза.

Вернувшись в холод пустой постели, она никак не могла уснуть. Ветер стих, и теперь наверху что-то шуршало. Наверное, опять мыши. В голове у нее промелькнула старуха с вышивки. Мозг жаждал тишины и покоя, но Мэлори видела только большую черную собаку с желтыми крестиками стежков вместо глаз – словно тварь из ночного кошмара.

4

Температура падала. Это было видно по тому, как распушились птицы, как зашныряли белки, как крысы полезли в тепло под стропила.

Ей это не понравится, так я думаю. Из-за всех этих мерзких раздувшихся городских крыс людям всякое в голову приходит про животных. Наши крысы мелкие, черные, не как те страшные бобровые крысы, что разбежались с меховой фермы под Норфолком, они маленькие и безвредные. По крайней мере, большей частью.

5 Стиффки

22 ДЕКАБРЯ

Сквозь покрытое льдом окно Мэлори не видела ничего, кроме густого серого тумана. Она прижалась лбом к стеклу и закрыла глаза. Горло саднило, в затылке ныла тупая боль. Нельзя поддаваться отчаянию. Она ногтями соскребла лед, протерла запотевшее стекло рукавом халата и вгляделась сквозь размазанные капли воды. Через дорогу от дома тонули в тумане тени деревьев, но в остальном пейзаж казался безлюдным. За углом двора виднелись черные голые ветви и темная купа елок. Туман сливался с тусклым небом, и больше ничего нельзя было разглядеть. Мэлори воображала, как распахнет окно навстречу сверкающему морскому виду, но моря все равно что не было. Она с усилием открыла старое окно и втянула воздух. Да, море-то рядом, не ошибешься. Легкий привкус соли, мокрый запах сырой земли и еще что-то, острое, что она не могла угадать. Она открыла рот, попыталась его попробовать на вкус и проглотила сырости и морской соли. Низкая темная тень скользнула вдаль по дороге. Собака, которую она вчера слышала? За животным двигалась тень повыше. Бурый плотный человек в каком-то головном уборе. Мэлори хотела его окликнуть, но порыв ветра захлопнул окно, и она отпрыгнула. Ее едва не ударило по носу. Когда она снова выглянула наружу, тени скрылись.

Снизу послышалось, как Фрэнни сюсюкает с Ларри. Ее бедная одинокая девочка. Это Тони пришло в голову купить ей домашнее животное, а Мэлори, которая к ним не привыкла, сопротивлялась. Но теперь она радовалась. Маленькая собачка была единственным существом, к которому Фрэнни относилась с теплом. Мэлори вспомнила, как дочь металась во сне, но не могла точно сказать, не приснилось ли ей это. Она попытается найти Фрэнни друзей. Должны же в деревне быть дети. Но она уже знала, что это безнадежно – мысль о том, что ее молчаливая девочка с кем-то подружится, казалась смехотворной. В лондонской школе про нее говорили, что она «застенчивая» и «воспитанная».

«Держится отстраненно». Мэлори видела у всех в глазах упрек за то, что не произвела на свет счастливого, беззаботного ребенка, что оставила Фрэнни без братьев и сестер; на нее смотрели, поджав губы, у нее странненькая дочь, и виновата в этом мать. Тони считал, что она несет чушь, никто так не думает. Но Мэлори не верила ничему, что он ей говорил.

Спор повторялся снова и снова. Еще один ребенок, еще раз рожать. Но она болела, она не справилась бы, у нее отец умер. Всегда что-то находилось. А потом она стала подозревать, что он спит с другими женщинами. Она еще глубже ушла в свою личную боль. Было уже поздно.

– Я, может, на Рождество поеду в Норфолк, – сказала она.

Ему было все равно. Он уже много лет ее не слушал. Теперь ему все равно не будет, подумала она.

Она попыталась представить его лицо, когда он увидит, что в квартире пусто, а его дочь исчезла. От этого внутри отвратительно булькнуло удовольствие. Из-за Фрэнни он взбесится. Ну и пошел он. Мэлори представила, как он запускает двигатель своего «Остина» и мчится обратно в квартиру над клубом. Представила изгибы тела Барбары. Он станет звать ее Бабс, как саму Мэлори звал Мэл. Прекрасное тело Бабс. Она приложила ладони ко лбу и надавила. Так не годится. Не надо об этом думать.

Она теперь тут, так ведь? Сделала, как собиралась. Уехала из Лондона. От него, от его наглого вранья, от пустой квартиры и таблеток. Все вышло не так, как она себе рисовала, но что и когда выходило так? Ни замужество, ни материнство, ни работа. (Что еще за работа? Нет никакой работы. Все секретарские заказы улетучились с тех пор, как появилась Фрэнни.)

Родители – оба умерли. Дочь. Все получалось как-то неправильно. С изъязном. Ломалось. Она вдавила ногти в ладони, чтобы остановить поток чернильной темноты, хлынувший в голову. Она не станет принимать таблетку. Не станет. Хлопнуло окно, и Мэлори вздрогнула. Она не задвинула шпингалет.

Бог с ними, с туманом и холодом, надо вывести Ларри к морю.

Она быстро оделась в ледяной комнате, думая о том, что нужны запасы еды и угля для огня, и о том, что надо было обо всем этом подумать до того, как она загрузила всех в машину в Лондоне. На площадке она остановилась. Чтото случилось этой ночью, что-то, что она помнила только отчасти. Она заглянула в розовую спальню, но ни Фрэнни, ни собаки там не было. Старая вышивка над кроватью. Суровая женщина, старуха со злобной на вид собакой, девочка с косичками, держащая в руках книгу. У Мэлори заболела голова. Она зажмурилась. Просто жутковатая старая картинка. Надо выпить чаю. Если спускаться по лестнице, то справа по коридору гостиная, слева – пустая комната. Дверь гостиной была приоткрыта, и Мэлори увидела Фрэнни, свернувшуюся на потертом старом диване, обложившуюся одеялами; Фрэнни читала книжку, в ногах у нее лежал Ларри.

Фрэнни посмотрела на нее с упреком.

– Я есть хочу.

– Да, детка, понимаю, что хочешь. Сколько времени?

Фрэнни пожала плечами.

– Мам, – сказала она, – а что с елкой? Нам нужно поставить елку. Папа бы мне нарядил елку.

В Лондоне у них была маленькая искусственная елка, которую Тони купил в «Хэрродс». Идиотски дорогая, но Фрэнни она нравилась. Мэлори знала, что в его семье всегда ставили огромную настоящую елку, но он говорил, что они такую в свою квартирку не втиснут, так что искусственная – лучший выбор. Ее родители, которые жили в пригороде Нориджа, всегда считали, что их елка из «Вулворта» вполне себе годится, все как у людей. Мэлори всегда хотела настоящую. Это было частью ее представлений об идеальной жизни. В книжках, которые она читала в детстве, дети собирались вокруг высоченной мерцающей елки. Ей почему-то казалось, что, если она сможет воплотить этот образ – все сидят возле елки в домашних халатах, носки для подарков висят над камином, – это будет означать, что у нее получилось что-то хорошее. Ради этого образа нужно поставить настоящую елку. Все просто: надо ее себе срубить. По краю участка растет куча елок. Никто и не заметит, если она срубит одну маленькую.

– Мама?

– Сделаю я тебе елку, – ответила она с улыбкой.

Кухня была в глубине дома, плиточный пол охлаждал даже сквозь носки и тапочки. Часы на стене показывали девять утра. Время здесь вытягивалось и сворачивалось: она каким-то образом проспала. Ларри шел за ней, поскуливая, и она открыла заднюю дверь, чтобы выпустить его. Воздух был тяжелым и сырым от тумана. На пороге песик оцетинился и замешкался, опасаясь окутанного серым сада, но Мэлори подпихнула его ногой. Снаружи он принялся лаять. Казалось, он лает на изгородь, и, когда Мэлори присмотрелась, вдоль нее по земле скользнуло что-то темное. Она разглядела длинный хвост – крыса – и передернулась. В том, что Ларри сможет как-то исправить положение, она сомневалась, но все равно подпихнула его еще дальше во двор; оттого что он рядом, ей стало легче.

Вернувшись в гостиную, после еще двух кружек черного чая и тостов с джемом без масла («Я сегодня куплю, Фрэнни, обещаю») она вспомнила, что нужен огонь. Сглотнула всхлип, зародившийся в горле, и перебила горький вкус чая клубничным джемом.

Когда они одевались, зазвонил древний телефон, и обе они вздрогнули. Первая ее мысль была о Тони, сердце так и заколотилось. Он хочет извиниться, он совершил ошибку, он ее

любит. Но она не оставила номер телефона, она его даже не знала. Он понятия не имел, где они. Телефон продолжал звонить, эхом отзываясь в доме, дразня ее.

– Ты отвечать собираешься?

– Да-да, – с тоской сказала она. Прижала к уху трубку. – Алло?

На той стороне что-то стукнуло.

– Алло? – повторила Мэлори, но стук сменился монотонным сигналом. – Наверное, линия неисправна, – сказала она и вернула трубку на рычаг.

Снаружи потеплело, хотя под ногами похрустывал ледок, а дыхание вырывалось белым паром. Сквозь иней торчал бурьян, в жидком туманном утреннем свете Мэлори увидела, что на крыше недостает черепиц, а стекла в нескольких окнах треснули. Бледно-серый песчаник сливался с туманом, и казалось, будто дом как-то сам по себе вырос из земли. Мэлори взглянула на него с той же точки, с которой, наверное, снимал фотограф. Но фотографию, похоже, сделали летом, и запущенность, если она тогда была видна, скрадывало солнечное сияние. Сейчас дом обнаруживал всю степень своего упадка. Разрушенные водостоки, из которых росла трава. Выброшенные кирпичи, похожие на шелушащуюся кожу. Стекло в одном окне было разбито, на деревянной раме чернели пятна гнили. Дому нужны свет, тепло и люди. А не глухая зима.

Она взглянула на чудовищную машину. Поначалу яркий оранжевый ей понравился. Почему нет? В Лондоне он выглядел стильно и весело. Но здесь он был неуместен, будто что-то из современного кричащего мира забросили в прежний. И вмятина при свете дня выглядела хуже – уродливый след чего-то неправильного. Окна машины покрывал толстый слой инея. Нужно его стереть, соскрести лед. Но сколько тут до деревни? Не может же быть далеко. Собаку пора выгулять, а ей, помимо всего прочего, нужны сигареты. Она порылась в кошельке розовыми от холода пальцами. Недельные деньги на хозяйство и еще немножко оставшихся от прошлой недели. Придется обойтись этим.

– Идем, Фрэн, догуляем до деревни и купим все для Рождества. Устроим себе приключение. Она может спрашивать, вдруг кто-то в деревне знал ее отца. Фрэнни нахмурилась, наморщив лоб, но кивнула. Лентяйкой ее уж точно не назовешь.

Когда они уходили, Мэлори услышала тот же волчий вой за дорогой. Наверное, та собака, которую она видела утром, а значит, кто-то там живет. Переходя проулок, она вспомнила фигуру с вышивки, ту, с похожей на волка собакой, и почти ждала, что навстречу ей из-за деревьев выйдут старуха и черная собака. Было непохоже, что там что-то есть, только густая, высокая живая изгородь, узловатый плющ и боярышник. Но потом она увидела дыру в изгороди, железную калитку, заросшую плющом, и узкую тропинку, ведущую к приземистому одноэтажному кирпичному жилищу, больше похожему на сарай, чем на дом; крыша так просела, что казалось, вот-вот обвалится. Сквозь толстый слой темной грязи на окошках не было видно ни света, ни признаков жизни. Но было в доме нечто, из-за чего ей сразу захотелось развернуться и бежать прочь. Перекошенный замарашка словно глядел на нее исподлобья. Она с усилием рассмеялась.

– Ма-а-ам.

Фрэнни надоело ждать.

Мэлори наконец отвернулась от дома. Она испытала странное облегчение, когда они отошли настолько, что он пропал из виду.

Слева в конце грязной дорожки появилась стена из кирпича и песчаника, а за ней – старая заброшенная часовня, построенная в начале века. Таращились пустыми глазами разбитые окна. Туман так и не поднялся, пока они шли до деревни. Они брели вдоль дороги, соединявшей деревню с Уэллсом с одной стороны и Блэгни – с другой. Дорога пересекала деревню между болотом и полем, единственным цветом вокруг был цвет низких зимних живых изгородей. Дойти до деревни и увидеть что-то, кроме неумолимого бело-серого тумана, уже было передышкой. Деревня, казалось, состояла из беленого паба под названием «Герб Таунсенда»

и стоявшего чуть дальше по улочке, прямо перед мостом через мелкую речку, магазина, который служил, судя по знаку снаружи, еще и почтой.

«Магазин Стиффки», а ниже – вывеска поменьше с надписью «Вл-ц Д. Бейфилд». За эркерным окном в свинцовом переплете были аккуратно выставлены старые коробки «Персила» и банки «Боврила», выцветшие до пастельных тонов от долгого стояния в витрине, а над ними висели эмалированные таблички с рекламой шоколада «Фрайс» и сигарет «Кэпстен». Как будто лавка времен войны, твою мать. Даже, твою мать, довоенная. Когда они вошли, звякнул колокольчик, что-то шумно упало, и из глубины магазина послышался голос: «Иду!» Из двери за прилавком появилась краснолицая женщина, примерно одних с Мэлори лет, хотя так и не поймешь – на голове голубой шарф, а каштановые волосы накручены, как подумала Мэлори, на старомодный манер. Бедняжка, застряла тут.

– Ой! – сказала девушка, округлив от удивления рот. – Я других ждала. Вы, наверное, те приезжие на оранжевой машине. Чем вас порадовать?

Мэлори внезапно ощутила, какую глупость затеяла. Что она будет делать, когда кончатся хозяйственные деньги? Попросит у Тони еще? В груди у нее завязался панический клубок, и ей пришлось выдохнуть, чтобы собраться и заговорить. Она сверилась со списком, который спешно составляла утром, и хорошенькая девушка (Мэлори решила, что она моложе, чем кажется, просто выглядит старше из-за прически) пошла по пунктам, отвечивая, нарезая и составляя стопками консервные банки. В лавке был крошечный прилавочек с мясом и сыром, и Мэлори купила несколько ломтиков. Стилтон здесь не продавался, только чеддер и красный лейстерский, но сойдет и так. Ни окорока, ни паштета, только консервированная ветчина, а хлеб твердый, как камень. Но был маргарин и жирные на вид сосиски, грязная морковь и картошка, а еще девушка сказала, что спросит отца насчет индейки или гуся. Она исчезла в глубине магазина. В тамошнем сумраке Мэлори различила только силуэт невысокого мужчины в кепке; голос у него был хриплый, с медленным норфолкским выговором. Фрэнни стояла рядом с ней перед прилавком, дулась и шаркала ботинками по опилкам на полу.

– Он для вас зарежет, – сказала продавщица, вернувшись к прилавку.

Мэлори от этой мысли содрогнулась. Господи, пусть тогда и оциплет. С этим она точно не готова иметь дело. Фрэнни громко шмыгнула носом.

– Висморкайся, – шепотом сказала Мэлори, сунув ей платок.

Продавщица перегнулась через прилавок и ласково произнесла:

– И как же тебя зовут? Чего-нибудь сладенького тебе. Хочешь?

Фрэнни подняла на нее глаза и очень тихо ответила:

– Фрэнсис.

Девушка хихикнула, взобралась на стремянку, чтобы снять с верхней полки банки с конфетами. Протянула Фрэнни леденец на палочке, потом насыпала в кулек горсть других конфет.

– Спасибо, – сказала дочка продавщице, потом повернулась к Мэлори. – Можно, я выйду на улицу?

Мэлори махнула в сторону двери.

Девушка заворачивала последние «закупки» в бумагу. Мэлори поняла, что спрашивать, знала ли она Гарри Скиннера, бесполезно – она была слишком молода, – но хотела спросить о доме и о том, живет ли по соседству женщина с большой собакой. Она как раз подбирала слова, когда девушка заговорила:

– Вы ведь в Доме на Болотах, да? Там давно никто не живет, я еще не родилась, а он уже пустой стоял. Мамка говорит, место это чудное. Всякое там бывает.

Мэлори собиралась спросить – какое? Но девушка рассмеялась, увидев ее лицо.

– А, это все сказки, так я считаю. Здешние любят порассказать. Слышали ее прошлой ночью? Завывала, аж кровь стыла.

– Слышала – кого? По-моему, меня разбудил ветер, но потом я опять заснула.

– Да какой ветер. Это потеряшка. Девочка та, что во мге заблудилась.

– Мге?

– В тумане. Мге с моря. Она громче кричит, когда мга приходит.

– Кто?

Девочка. Нэнси ее звали. Мамка говорит, они вышли с ребятами по ракушки на Блэнк-нокскую банку, на лиманы – там лучшие сердцевидки, – когда мга легла и ее от остальных отрезало. Ил там топкий. И накат пошел, ну, вы понимаете. Она кричать стала. Все рыбаки, все деревенские слышали, как она голосит, но никто ее в тумане среди топи не отыскал. На следующий день тело нашли, во рту водоросли.

– Ужас какой.

Мэлори поняла от силы половину слов, но почувствовала, насколько мрачна эта история. Подумала о странных звуках в ночи и ощутила, как по ее коже побежали мурашки. Это был ветер, захотелось ей сказать.

– Вам еще не говорили, что в том доме случилось?

– Нет, – ответила Мэлори.

Девушка ее раздражала. Почему сразу не сказать все как есть?

– Да все это, скорее всего, чушь, но папка говорит, там умер кто-то.

Мэлори про себя улыбнулась. Бога ради, везде кто-нибудь умер.

– Спасибо за все, – сказала она, выкручиваясь из разговора. – Пора мне. А по поводу индейки или гуся... Не думаю, что мой муж сможет...

– Папка что-нибудь занесет послезавтра. На сочельник. Сегодня зарежет. Он в сочельник зайдет.

– Спасибо, – повторила Мэлори. – И я забыла узнать насчет угля или дров. Простите, так неловко.

Девушка кивнула.

– Мы посмотрим, что найдется, и завезем.

Холод-то какой. Теперь Мэлори точно было пора, но у нее оставался еще один вопрос.

– И можно спросить, в проулке живет пожилая женщина с большой черной собакой?

Девушка снова рассмеялась.

– Может, это Черная Лузга была, – сказала она, комически закатив глаза. – Нет, шучу я. Я бы на вашем месте из-за старухи не переживала. Она тут с незапамятных времен. Здешняя она, понимаете.

Мэлори не понимала, но снаружи дожидалась Фрэнни.

Когда она выходила из лавки, зазвонил колокольчик, и девушка крикнула ей вслед:

– Снег будет. Вы осторожнее там!

Пока они втроем – Мэлори, Фрэнни и собака – шли от магазина по деревне, Мэлори чувствовала, как взгляд продавщицы жжет ей спину. Ей стало легче, когда она вышла. Девушка ничем это не заслужила, но Мэлори пыталась подавить неприятное отвращение, которое она у нее вызывала. И с этими разговорами про мгу, и Черную Лузгу, и жуткие звуки в ночи она забыла спросить про фигуры на вышивке.

Она сорвала обертку с первой из двух купленных пачек сигарет и закурила, глубоко вдыхая дым на ходу, добавляя собственные серые кольца к туману.

6

Я опять стояла у плиты, когда они вернулись. Вид у них был потерянный. Особенно у нее, у матери. Что-то с ней было не то. Не выглядела она взрослой женщиной, хотя я понимала, что не девочка уже, с таким-то большеньким ребенком. Чахлая какая-то, как дерево, которому света и воздуха не хватало. Что-то ее поймало и держало в городе, где она дышать не могла. А ребеночек – ребеночек-то хваткий. Услыхала то, что девочка ей не сказала, увидала то, чего не должна была видеть. Мамка искала, а дочка найдет. Я все гадала, скоро ли.

7

Чердак

Когда они вернулись к дому, у входной двери лежала стопка нарубленных дров. Мэлори не понимала, как бакалейщику удалось так быстро сюда добраться. По дороге проехала всего пара машин, но это не мог быть он. Она глянула на ту сторону проулка, ожидая, что за ней кто-то наблюдает, но там никого не оказалось, просто темнела изгородь. Как бы то ни было, с дровами уже легче.

На кухне она поставила на подоконник транзистор и стала крутить ручки настройки, шаря по частотам. Сквозь статику прорвались обрывки морского прогноза, потом опять пропали. Зазвенели колокола, из шипения возникли и опять уплыли рождественские песнопения. Потом – мужской голос, неожиданно громкий и серьезный для кухни:

«В большинстве районов Великобритании ожидается снег. Осадки от умеренных до сильных, в восточных районах со штормовым восточным ветром. Этой ночью ожидается повсеместное понижение температуры».

Девушка была права. Может, и Рождество будет снежным. У Мэлори забило сердце. Это было бы волшебно – Рождество, которое Фрэнни запомнит навсегда.

После скудного ланча, состоявшего из вчерашнего хлеба с маргарином, сыром и консервированной ветчиной, Фрэнни скрылась в розовой спальне, за ней последовал Ларри. Мэлори взялась наконец-то разжигать камин. Холод становился невыносимым, они обе надели майки, блузки и по два джемпера. Ей удалось добиться бледных слабеньких язычков пламени, которые не грели.

Будь здесь Тони, он бы по крайней мере помог ей развести огонь – но одна мысль об этом была нелепой. Тони Кэвендиш в жизни не разводил огня – для него это делала прислуга. А у ее родителей камин всегда был газовый. Придется просто справиться самой.

В конце концов пламя стало лизать дрова, пошел дым, и Мэлори протянула руки к слабому теплу, когда вошла Фрэнни.

– Мама, я нашла потайную дверь.

Она поднялась за Фрэнни по лестнице. В конце площадки среди панелей обнаружилась дверца, которую Мэлори до сих пор не замечала. Ведь смотрела на эту стену несколько раз и не видела. За дверью оказалась еще одна узкая лестница, винтовая, по которой взобралась Фрэнни. Мэлори стояла, глядя на нижние ступени, уходившие в темноту, вспоминая, как скреблись прошлой ночью грызуны.

– Давай, мам, поднимайся! – раздался сверху голос Фрэнни.

Мэлори, согнувшись, влезла на темную лесенку. Высунула голову и увидела низкий чердак; сумрачный, пыльный, но старые сундуки по нему были расставлены аккуратно. Она тщательно прислушалась, но не услышала ни царапанья, ни шороха. Ее взгляд упал на деревянную детскую кроватку, с которой осыпалась белая краска.

– Смотри, что тут, – сказала Фрэнни, и Мэлори пришла в себя.

Она пошла за дочкой на середину чердака, где сквозь трещины в крыше виднелось туманное небо. Фрэнни копалась в открытом сундуке.

– Какие красивые.

На соломенной подложке лежали чудесные елочные игрушки: ангелы, звезды, яблоки и фонарики. Даже в тусклом свете они мерцали, а когда на них падал туманный луч снаружи, начинали сверкать. Мэлори взяла каждую в руки, подержала на ладони, изумляясь их изящной хрупкости. Они были из тончайшего стекла, раскрашены великолепными яркими красками: зеленой, золотой и красной.

Из другого сундука Фрэнни достала деревянную шкатулку, покрытую сложной резьбой в виде листьев.

– Смотри! – сказала она.

Мэлори подмывало схватить шкатулку и открыть ее, но она заставила себя ждать. Когда Фрэнни отдала шкатулку ей, она ахнула от восторга. Внутри была сцена Рождества, вырезанная из дерева, крошечная и тщательно сработанная, каждая фигурка выполнена в мельчайших деталях. Деревянная Мария, Иосиф с бородой, младенец Иисус размером с самый маленький ноготь Мэлори. Были и овцы, и осел, и вол, и колыбель с настоящими соломинками, и, конечно, ясли, вырезанные так же любовно. Совершенство.

– Мама, смотри. Смотри, что я нашла!

Голос Фрэнни звучал с противоположного конца чердака, она забралась под низкий скат крыши. Мэлори была так поглощена вертепом, что даже не заметила, что дочь отошла. В голосе Фрэнни слышалась увлеченность, какой давно не бывало.

Бокон, согнувшись вдвое, Мэлори двинулась по чердаку и увидела, что у Фрэнни в руках бумажка. Вырезка из старой газеты с побуревшими, загнутыми краями.

– Смотри, – повторила Фрэнни. – Это девочка, девочка с картинки. Розмари.

Мэлори взяла вырезку из рук Фрэнни. На ней была фотография молодой женщины, смотревшей прямо в объектив. Волосы убраны под уродливую шляпку-клош, вокруг глаз темные кляксы. Протокольная фотография, подумала Мэлори, из полиции, дерзкий взгляд на того, кто ее снимал, кем бы он ни был, – на весь мир. Подпись внизу гласила: «Розмари Райт, 19 лет», – но газетной статьи под фотографией не было. Глаза девушки, казалось, смотрели в глаза Мэлори, как будто она ее знала.

– Где ты это нашла?

– Вон там.

Небольшой потертый чемодан коричневой кожи. Внутри не было ничего, кроме кучи бумаг, но сквозь хлопковый кармашек на резинке, предназначенный для белья, как показалось Мэлори, что-то проступало. Она промолчала.

– Интересно, что с ней случилось, – сказала Фрэнни.

Снизу донесся лай Ларри.

Начинай носить игрушки вниз, – сказала Мэлори. – И посмотри, что там с Ларри. Я спущусь через минутку. На этом чердаке, полном чужих историй, она чувствовала, что копается в чьих-то воспоминаниях. Она поняла, что хочет остаться с этим чемоданом один на один. Вроде как из уважения к частной жизни.

Она быстро пролистала бумаги. Поначалу они ее разочаровали – одни старые счета, объявления о политических митингах, несколько листовок на выцветшей желтой или розовато-красной бумаге с лозунгами вроде «Британцы, проснитесь!» и «Профсоюзы – вы жертвы». Все датированы началом тридцатых. Жутковато. Заглянуть в то, как думали фашисты. Теперь все это казалось древней историей. Правда, он так и брюзжит, Мосли, – этим летом в Лондоне вышел. Она вспомнила, по телевизору показывали. На транспаранте написано:

«Мосли говорит». Его повалили на землю, все опилки из него повыбили. «Толпа кричала:

«Мосли, проваливай!» – и он провалился», – сказал диктор. Но тогда был его звездный час, в тридцатые. Тогда он был на коне.

Но Мосли ей был, в общем, безразличен, о нем скоро перестанут говорить. Если те, кто здесь жил, его поддерживали, это не очень хорошо, но британцы отвергли фашизм, все уже в прошлом.

Мэлори слышала, как у нее за спиной, в другом углу чердака, возятся мыши – или крысы? Она вспомнила, что видела крысу, и про себя взмолилась, чтобы та не появилась. Сунула руку в кармашек для белья, ожидая найти там что-то вроде тех же листовок. Но коснулась чего-то совсем иного – чего-то с твердыми краями.

Что-то вроде книги. Стопка качественной бумаги в темно-красной обложке из жесткой кожи, немногим больше ладони, с медными заклепками и именем «Розмари Райт», золотом вытисненным на крышке. На вид – ручной работы. Хотя бы не очередная фашистская чушь. Мэлори открыла книжку. Страницы были исписаны черными чернилами, почти нечитаемым почерком. Она дрожащими пальцами пролиставала их, чувствуя, что подглядывает за чужой жизнью, потом захлопнула книжечку и снова сунула руку в карман чемодана. И пошатнулась, нащупав еще один тонкий красный томик. Снимок девушки в газете. Что-то с ней случилось. Вряд ли, конечно, но, может быть, здесь есть какой-то ключ, который подскажет, что хотел сообщить ей отец.

Чердак, казалось, ждал, как она поступит. Слышалось только тихое царапанье. «Я просто на время его возьму», – подумала Мэлори и, вцепившись в ручку чемодана, быстро спустилась по лестнице, стуча чемоданом о ступеньки, прежде чем какие-нибудь животные выйдут из укрытия.

Фрэнни выложила несколько игрушек на деревянный пол, и они сверкали в свете камина, как сокровища, найденные в пещере. Фрэнни и Ларри свернулись у огня, отсвет пламени озарял лицо ее дочери, тела их наконец-то согрелись, и Мэлори почувствовала, что, возможно, привезя всех сюда, все-таки не ошиблась.

Мэлори сидела без сна в холодной спальне. Она наполнила две грелки, чтобы согреть постели, но огонь давно погас, ее грелка остыла, и уснуть не получалось. Она прислушалась, не мечется ли Фрэнни, не кричит ли собирательница ракушек, но все было тихо и спокойно. Включила лампу, открыла библиотечную книгу. Современный роман, «Марни», вполне увлекательный. Марни – так звали плохую девчонку, врушку и воровку, выдававшую себя за разных людей – и не совсем нормальную. Мэлори она нравилась. Но сегодня читать невозможно. Слишком похоже на ее собственную жизнь, только без преступлений. Вместо этого Мэлори вытащила из-под подушки записные книжки и перелистала страницы первой. Внутри черными чернилами было крупно, с наклоном написано от руки:

«Записки Розмари Райт».

Но кто-то явно вырвал из книжки первые несколько страниц. Мэлори зарылась в постель. Непонятно почему, она ощущала разочарование. Потом перевернула страницу; дальше, тем же почерком, только помельче, потеснее, девушка написала: «Холлуэй, Лондон. Март 1935 г. Отчет о событиях за период с июля 1931 г. по август 1934 г.».

Мэлори быстро подсчитала. Она понятия не имела, сколько было отцу, когда она родилась, – он всегда оставался все тем же мягким человеком с морщинками у глаз. Он воевал – это, если верить матери, и вызвало сердечный приступ. «Он так и не оправился». Так что, наверное, в 30-е он был молодым. Значит, можно предположить, что о нем что-то есть в этих записках. У нее ускорился пульс.

Это оказалось что-то вроде дневника. Она перелистала страницы, потом открыла вторую книжку. На ней тоже золотыми буквами было вытиснено имя Розмари Райт, внутри она была исписана тем же тесным почерком, черными чернилами. Страница за страницей, чернильные строчки. Мэлори помедлила. Неправильно читать чужие записки? Но дело давнее, и потребность сбежать в чью-то чужую жизнь – настоящую жизнь – была слишком сильна. Она просто просмотрит записи и, если там будет что-то скучное, или неприличное, или слишком личное – или это никак не будет касаться ее семьи, – просто прекратит читать. Она начала с самого начала.

Первая записная книжка

ЗАПИСКИ РОЗМАРИ РАЙТ

ЛИЧНЫЕ И ТАЙНЫЕ

Холлуэй, Лондон. Март 1935 г.

Отчет о событиях за период с июля 1931 г. по август 1934 г.

8

Я постараюсь как можно вернее изложить то, что привело меня в эту камеру. Эти записные книжки я попросила прислать сразу, как только меня сюда привезли, но их только что доставили. Наверное, из-за того, что ко мне начали относиться помягче. Я собираюсь заполнить эти книжки своей историей, так что если ты когда-нибудь это прочтешь, то сможешь понять все, как понимаю я, и решить, что обо мне думать, независимо от того что говорят газеты и сплетники. Мне, в общем, всегда была по душе мысль о том, чтобы писать, а теперь у меня наконец есть такая возможность. Полагаю, все дело в тщеславии, в желании что-то оставить после себя. Я не собираюсь писать как в дневнике: случилось то, потом это. Вместо этого я хочу дать понять, как оно было на самом деле. Я собиралась начать с приезда в деревню семьи Лафферти, потому что после этого все и изменилось, но решила, что сначала нужно рассказать о моей семье, потому что иначе как ты меня поймешь?

Всю жизнь я прожила здесь, на болоте, в доме, который мой отец построил для матери, но к тому времени остались только мы: моя собака Утрата (если коротко, то Утя, хотя миссис Фейрбразер звала ее Уткой и пинала, если она подходила к кухне), и садовник Роджерс, который жил тут всегда, вел непрекращающуюся войну с крысами, приходившими с болот. Джейни говорила, что он уже был, когда приехала мать, как и толстая Фейрбразер, которая обращалась со мной так же сурово, как с собакой.

Четыре года назад, в мой день рождения, отец подарил мне набор из трех записных книжек в кроваво-красных кожаных переплетах. Я в них ничего не писала, кроме всяких детских почеркушек, и еще начинала несколько детективных рассказов. Я с ума сходила по романам миссис Агаты Кристи. Как бы изумилась та, молодая я, увидев себя нынешнюю. Автора и главную героиню собственной загадочной истории.

Я сперва расстроилась из-за книжек, потому что хотела, чтобы мне подарили «Убийство в доме викария», но отец сказал, что это неподходящее чтение. Совершенная бессмыслица, потому что я уже прочла «Убийство Роджера Экройда», «Тайну Голубого поезда» и «Загадочное происшествие в Стайлзе». Я брала их в библиотеке в Уэллсе, а от отца прятала. Он считал, что хорошие книги – это Вальтер Скотт, или Троллоп, или тот, другой мужчина, который писал длинные романы с кучей героев и кучей морали. Он считал, что миссис Кристи или Дороти Сейерс – это «для женщин». Для того, кто зарабатывает на жизнь, печатая слова, он не очень-то любил настоящие истории. Но он сказал, что, раз я все время таскаю у него бумагу для своих почеркушек, мне нужны свои записные книжки, чтобы делать с ними, что пожелаю. Мне понравилось, как они смотрелись вместе, их темные корешки скрывали чистые страницы, ждавшие, чтобы я заполнила их чернилами.

Мне тогда исполнилось пятнадцать, и мое тело менялось, хотя я этого и не хотела. Пришли месячные, но об этом никто не знал. От них мерзко болел живот, простыни я стирала сама и никому-никому не говорила, даже Джейни, хотя она довольно быстро поняла. Если бы мать была с нами, я бы могла сказать ей. В день рождения я часто грустила, когда думала о ней. Мне сказали, что она умерла от туберкулеза, когда я была совсем маленькой, но я знала,

что это неправда. Иногда я слышала, как они говорят про «миссис», и из-за этого думала, что она не умерла, но где-то спрятана.

Я ее совсем не помню. Нет, это не вся правда. У меня есть одно воспоминание – как мы сидим на песке под ярким солнцем. Я чувствую песок между пальцами ног. Мать протягивает мне ракушку, и я беру ее маленькой ручкой. По крайней мере, я думаю, что это воспоминание. Я могла это выдумать.

Еще одно воспоминание, не такое давнее: однажды, незадолго до начала событий, о которых я расскажу, я услышала, как Фейрбразер говорит Роджерсу, что хозяин едет по делам в Норидж. Печатный станок стоял в Кромере, так что можно было догадаться, что речь не о том, о чем обычно.

– По делу миссис Луизы, я так поняла, – сказала она.

Я сидела на каштане, который уже покрылся пышной листвой и мягкими золотистыми колосками, там можно было спрятаться. Я крепко ухватила рукой за кору, она разрешила мне ладонь, но я не могла вскрикнуть, иначе они бы меня увидели, и мне влетело бы за подслушивание. Луизой звали мою мать. Отец рассказал, когда я на него надела, что меня назвали в честь его матери, Мари, и моей. Розмари Луиза Райт. Мне нравится думать, что мать назвала меня Розмари, чтобы по-своему увести мою судьбу от моего отца. Она, наверное, уже знала тогда, что он за человек. И Джейни мне сказала, что это означает «морская роса», и мне это тоже всегда нравилось.

– Надо понимать, – сказал Роджерс, но от лопаты глаз не поднял.

Не думаю, что Фейрбразер это понравилось, потому что она затопала обратно в дом.

Как только они скрылись из виду, я слезла с дерева и побежала стучать в дверь Джейни, а Утя потрусилась за мной на своих коротеньких ножках. Джейни была нашей единственной соседкой и единственным в мире человеком, кто интересовался мной. Дом у нее был поменьше, потемнее и посырее нашего. Дом на Болотах запутывал и сбивал с толку, сплошь маленькие комнатки и деревянные панели на стенах, а коттедж Джейни был приземистым, осевшим, его скрывал ряд густых деревьев, и в нем была всего одна комната на первом этаже, там Джейни ела, готовила и спала, а в глубине двора – сортир, выходящий на болота. Дом был забит бутылочками разного размера, травами, свисавшими с балок, выщербленной посудой и соломенными куклами, которых Джейни плела из болотного тростника. Воздух всегда был влажен от соленых испарений или оттого, что она готовила на старой плите. Рядом вечно были животные: ее черный пес, Пачкун, лягушки (она звала их жабами) в пруду, белые мыши, которых она со смехом называла своими чертенятами, и пчелы в улье. Дом она неукоснительно убирала, но шерсть, грязь с болота и соль все равно в него проникали. Вокруг валялось в беспорядке столько книг, что не было видно пола. Сама постройка была неухоженной, теплой и страшно воняла, как и сама Джейни. Мне там нравилось.

Я с порога спросила ее, что случилось с моей матерью, и она ответила:

– Я уж не знаю, что отец позволил бы тебе знать, но вижу, что ты уже чегой-то вызнала. Она совсем не в себе была, когда тебя родила, Розы, да так и не выправилась. Пришлось мне тебя временем к себе брать¹.

Такая у нее была манера говорить.

– Что значит «не в себе»? – спросила я, решив во что бы то ни стало получить ответ.

– Не в порядке, значит. Как словно у ней беда с головой. И я ей помочь не смогла, что ни делала.

– Но раз она не умерла, где она?

¹ Я знаю, что не смогу вспомнить все слова, которые кто-то сказал, так что тебе придется просто поверить мне, что звучало это примерно так.

– Это я тебе сказать не могу, – ответила Джейни и положила старую руку мне на макушку. – Но ты себя не вини. Тут дело не в тебе. Роды скверно пошли, а больше ничего.

Такая у нее была манера говорить.

– Что значит «не в себе»? – спросила я, решив во что бы то ни стало получить ответ.

– Не в порядке, значит. Как словно у ней беда с головой. И я ей помочь не смогла, что ни делала.

– Но раз она не умерла, где она?

– Это я тебе сказать не могу, – ответила Джейни и положила старую руку мне на макушку. – Но ты себя не вини. Тут дело не в тебе. Роды скверно пошли, а больше ничего.

Но из-за того, что она сказала, я подумала, что это я виновата в том, что мать нездорова, что это из-за моего рождения она заболела. Джейни меня принимала, ведь так? Она мне много раз об этом рассказывала: о «поганой буре» в ту ночь, о том, что доктора вызвали, но он не приехал вовремя. Она говорила, что я застряла и мать потеряла много крови, а когда я вышла, то ни звука не издала. Они с Фейрбразер, которая тоже помогала, думали, я мертвая.

Я так и спрашиваю себя: что с ней на самом деле случилось, почему ее увезли? Дети в деревенской школе меня дразнили, говорили, что она в сумасшедшем доме.

Еще одно воспоминание, из начала того лета. Я шаркала подошвами по улице, идя в сторону нашего проулка, когда с другой стороны показалась стайка детей из школы. Один из них, вожак всей вшивой шайки, тощий парень со злым лицом и красивыми кудрями, которого звали Джордж, всегда насмеялся надо мной.

Я помнила его по давно прошедшим школьным дням. Джордж Бейфилд ненавидел меня. А я его. Так что, увидев его и его шайку, я бросилась бежать.

– Вон она, – сказал он, указывая на меня, – сумасшедшая девица с болот. Где твоя мамочка, Полоумная Мэри?

– Одна из шайки, сопливая девчонка, пропела: В дурдоме, вот она где.

Я не сбавила скорость. Я так и бежала к ним со всех ног, сердце мое тяжело стучало от волнения, и, когда я поравнялась с этим мальчишкой, он отшатнулся, словно я – серп, который готов его скосить. Я им и была. Я бросилась на него с кулаками, я бы ударила его точно в челюсть, если бы он не успел уклониться. Мой кулак скользнул по краю его подбородка, и в тот же миг кто-то схватил меня за косу и дернул назад, так что я упала на твердую дорогу. Небо надо мной стояло ясным светло-голубым куполом. Потом в голубом куполе появилось кольцо темных голов. Они встали вокруг меня и тарацились, как будто я – странное создание, вылезшее из трясины. Сперва я подумала, что они станут кидать в меня камнями или тыкать палками, и напряглась, чтобы броситься на них, оскалив зубы. Но они, перешептываясь, попятнулись. Кто-то плюнул возле моей головы, потом кольцо расширилось, и они потянулись прочь. Я приподнялась на локтях. Теперь они стояли на обочине, все на безопасном расстоянии. Кроме одного. Сына бакалейщика, Джорджа.

Он медлил в шаге от моей головы, потом вдруг рванулся вперед и прошипел мне в ухо:

– Я до тебя доберусь, ведьма полоумная!

Но ударить он не успел, я схватила его за руку.

Нет, не доберешься, – сказала я. Впились ногтями в его руку, и он завыл от боли, как собака.

Я отпустила его, и он отпрыгнул, с ненавистью глядя на меня.

– Ты меня даже поймать не сможешь, – сказала я.

И побежала домой, не оглядываясь, ликуя и мучаясь одновременно, отрезанная от всего остального мира.

Почему я не спросила о ней отца? Я спрашивала, когда была младше.

Однажды в мрачной ярости я заорала на него:

– Дети говорят, мама в дурдоме!

Темное облако боли прошло по его лицу, но он произнес спокойно, словно сдерживаясь изо всех сил:

– Твоя мать умерла, Розмари. Чем быстрее ты это примешь, тем лучше для тебя.

И отвернулся.

Видите, еще до того, как все началось – то, что привело меня сюда, – еще до того у меня в этом мире почти никого не было. Была собака Утя, была Джейни. И все. Отец не проявлял ко мне жестокости, но и не слишком обо мне пекся. Маленькой он посылал меня в деревенскую школу, но к тому времени я уже давно туда не ходила. Меня там не любили, и я никого не любила. Дети считали, что я важничая и вообще странная. Звали меня Болотной, что отчасти было правдой. У меня какое-то время была гувернантка, мисс Кэннедайн. Она мне нравилась, она была ко мне добра, но потом внезапно уехала, как сказал отец, из-за того, что «у нее что-то случилось». Когда она уехала, я плакала без остановки. Он временами грозился отправить меня в интернат, но так и не отправил. Думаю, у него денег не хватало. Как бы то ни было, к пятнадцатому моему дню рождения обо мне все почти забыли.

Целыми днями я исследовала округу, читала или коротала время у Джейни. Джейни меня звала своей «розой-дичком», и, наверное, так оно и было. Меня ничему не учили, по дому я почти ничего не делала, и никто за мной не приглядывал. Я сносно умела читать и писать благодаря мучительному школьному детству – и тому, что милая мисс Кэннедайн заставляла меня учить буквы, – но считала из рук вон плохо. Иногда я вбегала в дом и пугала отца, и он смотрел на меня так, словно одичавший ребенок, живший в его доме, вызывал у него отвращение. «Ты похожа на дворняжку», – говорил он, а еще называл меня диким зверьком. Кричал, призывая Фейрбразер, та пыталась расчесать мне волосы и, когда у нее не получалось, ругаясь, отстригала их по плечи и смазывала жиром, чтобы расческа прошла сквозь колтуны. Она дергала меня за волосы, рывками, пока на голове не начинала болеть кожа, а в глазах у меня не появлялись слезы. Каждую неделю в субботу она упихивала меня в ванну – у огня, если дело было зимой, – и скребла до ссадин, пока не обдирала, как выпотрошенную рыбу.

По воскресеньям мы строем шли в церковь и я ерзала на твердой скамье, не слушая, что говорил толстогубый священник, а представляя, что я сейчас далеко от всех, на дереве, или ушла на много миль по берегу, за болото. У священника своя фантастическая история, и он не задержится в моей, но об этом дальше. Через день я убегала по мостикам через болота, пополнять свою коллекцию, а за мной с лаем бежала Утя. Я собирала свой мир. Пустую скорлупку птичьего яйца; росток сведы или морской лаванды; похожий на сердце камешек. Я выкладывала их рядком на подоконнике у себя в комнате, давала им имена и каждый день трогала на счастье. Джейни говорила, что я начала собирать, когда уехала мать, и у меня нет причин ей не верить. Первой в коллекции была ракушка, которую, как я думала, дала мне мать. Теперь я знаю, что это могла быть просто ракушка, но в моем детском уме ракушка была от нее, а раз ее дала мне мать, это делало ее особенной. С тех пор все, что попадалось мне на глаза, бывало изучено и либо отброшено, либо избрано. К моим пятнадцати коллекция занимала весь подоконник и крышку комода тоже. Время от времени Фейрбразер грозилась все выкинуть, чтобы не разводить грязь и наверняка заразу. Но не выкидывала – думаю, боялась моего гнева.

Если я не пополняла коллекцию, найти меня можно было в темном домике Джейни. Она рассказывала мне истории о нежити, призрачных собаках и путниках, пропавших на болотах; о луне, которую поймали дикие твари, и о девочке, перехитрившей призрака. Она рассказала мне, как называются все птицы в саду – и те, которые прилетали на болота в разное время года, и еще те, которых они с Роджерсом называли по-своему, не как в моем определителе птиц Британии: знобуши и бугайки, юрки и шестерки, мельнички и шаглы, ремезы и пугачи. Мы пили чай, который она заваривала из трав, росших у нее в саду, и ели пироги на меду, собранном ее пчелами.

Если бы все не изменилось, я бы, возможно, по-прежнему была там, где мне самое место, – под огромным открытым небом, а не под замком, как животное в клетке.

9

Днем, когда все по-настоящему началось, стала пятница после моего дня рождения, когда я все еще верила, что величайшая драма моей жизни – исчезновение матери. В тот день отец отвел меня в Старую Усадьбу.

Фейрбразер уже не первый месяц не унималась по поводу прибытия. Должна была приехать новая семья, и я обдумывала, какие приключения ждут меня с тамошними детьми. С детьми, которые станут моими друзьями.

– У них мальчик есть, – как-то подслушала я разговор Фейрбразер с Роджерсом, пока он раскладывал крысиный яд на пороге кухни. – Высокий, бойкий такой светленький мальчик. Постарше мисс будет. Так мне принца Уэльского напомнил. Красавчик хоть куда.

Даже я знала, кто такой принц Уэльский, все знали. Но он был взрослым, а не мальчиком. Когда я пыталась расспросить отца о новой семье, о том, есть ли там дети, сколько их, сколько им лет, он меня прогонял, говорил, что мы не должны их беспокоить, что нас скоро позовут в гости. Но сначала я увидела мальчика.

Отец ушел из дома вскоре после завтрака. Сказал, что у него встреча в деревне с важными людьми, но не сказал с кем. Это было подозрительно, потому что никаких важных людей в нашей деревне не водилось. Священника он презирал, а врача в Стиффки не было.

Я дождалась, пока он уйдет, стоя на подъездной дорожке, пока он не скрылся среди мелких завихрений утреннего тумана. Сначала мне пришлось быстро впихнуть Утю в дом, потому что иначе она бросилась бы за мной и могла попасть под машину.

Когда отец ушел, я побежала по Грин-Уэй и увидела, как он перешел Черч-стрит к реке. Он направился прямо к реке, быстрым шагом, а я последовала за ним; вокруг были только поля по одну сторону и деревья, заслонявшие нас от дороги. Я подумала, что он идет в церковь, но вместо этого он свернул на узкую дорожку, ведущую к большому дому. Только Старая Усадьба – это не дом. Она не похожа на Дом на Болотах, с его лестницами, по которым гуляет сквозняк, крошечными окошками, покосившимися стенами, напоминающими борта лодки, и темной спальней, где она меня родила и куда никто не заходит. Это скорее замок. Средневековый сказочный замок.

Старая Усадьба. Название довольно скучное, правда? Но она не скучная, все знают. Там есть башни, и внутренние дворики, и множество окон, и она на самом деле роскошная. Я всегда играла в тамошнем саду. Когда я была маленькая, там жила старая дама, слишком медлительная и дряхлая, чтобы меня прогнать. Она смотрела из верхнего окна, стучала по нему тростью, и я убежала. Потом Усадьба опустела и вместе с болотом стала моей игровой площадкой.

Меня так и тянуло постучать в парадную дверь и спросить, можно ли представиться новой семье. Но я оробела.

Вместо этого я увидела мальчика с кладбища Святого Иоанна Крестителя. На кладбище рядом с одной из разрушенных башен рос старый дуб, на него было легко забраться, и оттуда я могла увидеть восточную сторону двора. Я ждала долго, но не скучала, я привыкла себя занимать. Я захватила с собой кусок пирога со свининой и яблоко из кладовки и перекусывала ими, пока ждала. Рано или поздно он должен был появиться. Надо мной громко запел дрозд, но в остальном было очень тихо. С высоты я видела лиловое марево морской лаванды на болотах за нашим домом. Солнце выжгло весь утренний морской туман, становилось жарко. Я сняла чулки и сунула их в карманы платья. Отец рассердится, если застанет меня в таком виде. Он вечно велел мне прикрыться, не то почернею, как цыганка. Кажется, он не понимал, что, раз у меня не было ни школы, ни гувернантки, ни матери, некому было мне указывать. «Она дикарка», – говорила Фейрбразер, но считала, что в ее обязанности моя дрессировка не

входит, а Долли, девушка, которая приходила стирать, была робкой и указывать мне могла не больше, чем огру.

От пирога меня сморило, я привалилась к толстой ветке, к подушке из листьев, и подумала, что могу закрыть глаза и немножко подремать, но, разумеется, едва я это сделала, со двора внизу донесся шаркающий звук. Мальчик. Высокий и светловолосый, как говорила Фейрбразер. Казалось, он о чем-то напряженно думает, потому что глаз он не поднимал. В каком-то приступе умоисступления я швырнула огрызок яблока ему в затылок, и тогда он поднял глаза, потому что огрызок пролетел у самого его уха. Я была меткой, я бы на самом деле могла в него и попасть.

– Эй! – сказал он. – Ты кто?

– Он и правда был очень красивый, хотя и лопоухий. И я заткнулась. Все находчивые ответы умерли у меня на языке. Спускайся сейчас же, мартышка ты негодная.

И он – о ужас – пошел ко мне, сидевшей на дереве, и я слишком поздно увидела, что в руке у него ружье. Он встал под деревом, поднял ружье и наставил его на меня, и на одно ужасное мгновение я подумала, что он сейчас подстрелит меня, как птицу.

– Надо бы мне выстрелить да добыть тебя с этого насеста. Шпионишь за мной, да?

Но я увидела, что он весело улыбается, а его глаза – такие голубые! – поблескивают, словно все это – отличная шутка.

– Так давай, – ответила я с бьющимся сердцем.

– Ха, – сказал он, а потом и правда выстрелил, и у меня зазвенело в ушах.

Я почувствовала, как свистнул воздух, как пробежала рябь по листьям. Дрозд с криком взлетел в небо. Я завизжала, как ни жаль это признавать, и упала навзничь, рухнув на твердую землю. Со мной все было в порядке – просто руку ободрала и ногу оцарапала, – так что я вскочила на ноги и бросилась наутек.

Я со всех ног пробежала через кладбище, мимо церковных ворот, услышала, как он кричит мне вслед, но знала, что надо торопиться, чтобы успеть домой прежде, чем узнает отец.

Я знаю, кто ты! – донесся голос мальчика из-за церковной ограды. Но я не остановилась, я неслась дальше, склонив голову, и влетела прямо в священника, едва не опрокинув его, потому что роста он был небольшого.

Священник схватил меня за плечи.

– Помедленнее, мисс Розмари, что это вы затеяли, бегаете, как мальчишка, в святом месте?

Я отшатнулась и сжалась. Оглянулась. Мальчик меня не преследовал.

– Мне нужно домой, мистер Дэвидсон.

Священник был смешной – губы у него были толстые, мясистые, казалось, они сейчас что-то сжуют, а брови походили на мохнатых гусениц, ползущих по лбу. Фейрбразер утверждала, что он прекрасный проповедник, из-за чего он мне нравился еще меньше. Его пальцы впились в мои лопатки, и мне захотелось кричать.

– Меня отец ждет, – выдохнула я.

И, выкрутившись, как угорь, из его хватки, метнулась по дорожке, через улицу, в наш проулок, к дому. Я знала, что он за мной не пойдет, потому что отец не был усердным прихожанином. С тех пор, как родилась я.

Но думала я об одном – о светловолосом мальчике из Усадьбы, хотя меня ждали серьезные неприятности, если об этом узнает отец.

10

В моей памяти, хотя она может быть искажена, то лето полно ослепительного солнечного света, который принесла в мою жизнь семья, вселившаяся в Старую Усадьбу.

Дочь звали Хильдой. Ей тогда уже исполнилось восемнадцать, и я считала, что она – настоящая леди. Фрэнклин было семнадцать. Он и был ушастым мальчиком, которого я видела с кладбища. Они жили большей частью в своем лондонском доме, а в Усадьбу приезжали на выходные, когда я приходила их повидать. Беспокоиться мне было не о чем, он явно не рассказал отцу, что я за ним шпионила, потому что в тот вечер отец вернулся домой и сказал, что мы оба приглашены в Старую Усадьбу к чаю. Отец очень сдружился с их родителями, полковником и леди Лафферти, так что у меня наконец появилась компания. Мне больше не было дела до того, что меня ненавидели деревенские.

Помню, как летом, вскоре после того, как они приехали, мы ездили к морю в Кромер. У них был автомобиль! Мне нравилось слушать тр-тр-тр, когда он приближался к нашему дому, и смотреть на облака дыма, вырывающиеся сзади. Утю не взяли, и она с лаем бежала за машиной, пока Фейрбразер не затащила ее обратно в дом. Меня укололо чувством вины, но они так быстро скрылись из виду, что трудно было долго об этом думать. Меня ждало приключение! Я сидела сзади, втиснувшись между Хильдой и Фрэнклином, а леди Лафферти сидела спереди с отцом и полковником, который любил водить машину в особом облачении – летный шлем и водительские перчатки. На леди Лафферти была огромная соломенная шляпа, завязанная под подбородком, и фиолетовые ленты развевались за ней по ветру. Хильда оделась по лондонской моде (так она мне сказала) – широкие брюки и розовая мягкая панاما поверх коротко стриженных волос; ее мать неодобрительно поднимала брови при виде этой стрижки, но на самом деле Хильде и Фрэнку позволялось делать все, что они пожелают. Хильда была не такой красивой, как Фрэнк, но тоже немалого роста, держалась она дерзко, то и дело закатывала глаза и смешила меня. Фрэнклин (он велел называть себя Фрэнком) был весь в белом, ветер, летевший нам навстречу, пока мы ехали вдоль побережья в Кромер, ерошил его песочные волосы. Мы сидели так тесно, что я чувствовала, как его нога плотно прижимается к моей. Я смотрела мимо него на пронесившиеся мимо поля, дивилась ощущению скорости и красным макам, кивавшим на ветру среди пшеницы возле Кромера.

Потом я почувствовала на своей ноге его руку. Она забралась мне под юбку и легла на внутреннюю сторону бедра. Я уставилась на Фрэнка, а он в ответ уставился на меня и смотрел, пока я, покраснев, не опустила глаза в пол; у меня кружилась голова. Он не убирал руку с моего бедра до конца поездки, а я не знала, как мне поступить.

Мы погуляли вдоль моря, пообедали в гостинице на берегу, выходящей на пирс, – она называлась *Hôtel de Paris*, – но мне было сложно хоть на чем-то сосредоточиться из-за воспоминания о руке Фрэнка на своей голой коже. Я подумала о матери, о том, чего она могла бы от меня ждать. Он был такой славный, и все они были так ко мне добры, и мне это нравилось, но я боялась, что скажет отец, если узнает.

– Ступайте вперед, молодежь, развлекайтесь, – сказал полковник, и отец нахмурился, но леди Лафферти положила руку ему на рукав. Будет вам, Ричард, Розмари вполне можно оставить с моей Хильдой, а вы, джентльмены, сможете обсудить грехи этого мира, не опасаясь, что вас станут перебивать. Я должна рассказать вам о своей работе с Обществом помощи девушкам.

– Веди себя как подобает, Розмари, – предупредил меня отец, но разве мог он после такого меня не отпустить?

Он был уже далеко, слушал леди Лафферти, я представила, как потом они беседуют наедине с полковником. Наконец-то он нашел кого-то еще, чтобы поговорить о Проблеме

Капитализма или Коммунизма, Инерции Британской Демократии и Вопросах Того, Что С Этим Делать. Хотя он и рассуждал о «цельности человека, занятого фермерским трудом», он ни разу не ходил в «Таунсенд» и не выпивал с фермерами. Мы жили в изоляции, отец и я, жили сами по себе, и оба потянулись к Лафферти, как жаждущие к воде.

У воды Хильда взяла меня под руку, а Фрэнк ушел вперед. Когда родители остались далеко позади, он пригнулся и побежал по склону к морю.

– Давайте, девочки, подышим морем!

Он широко улыбался, и от этого лицо у него сияло. Какой же он был красивый, золотистый и весь в белом. Я заметила, что губы у него темно-розовые, как ссаженная кожа, и задумалась, каково было бы к ним прикоснуться. Единственным мальчиком, который мне нравился до него, был сын Роджерса, Билли, но отец не позволил мне с ним дружить, потому что он «из другого круга», и он к нам больше не приходил. Всякий раз, когда я видела, как он собирает на болотах морской укроп или ракушки для матери, я махала ему, и он всегда улыбался мне и махал в ответ, но ни разу не подошел.

Песок на берегу был горячим, мы сняли башмаки и чулки. Фрэнк закатал брюки, и я увидела на его стройных лодыжках золотистые волосы. Мне ни разу не приходилось оказываться так близко к телу мальчика, с тех пор как мы с Билли плескались в ручьях, когда я была маленькая. Мне всегда нравилось чувствовать песок под босыми ступнями, нравилось, как он сочится между пальцами ног. Фрэнк побежал к морю, и мы с Хильди побежали следом, взявшись за руки и хохоча. Море оказалось ледяным, оно плеснуло нам на ноги, и Фрэнк, дразнясь, обрызгал нас морской водой. Мы визжали, смеялись, солнце пекло нам головы. Вскоре мне стало нехорошо, потому что мы бросили шляпы там же, где и башмаки.

– Если бы только у нас с собой были купальные костюмы, Розмари! В следующий раз нужно обязательно их захватить. Непременно. Пока не началась осень и не стало слишком холодно. Я подумала, каково будет надеть купальный костюм, выставить напоказ перед Фрэнком свои бледные руки и ноги, и, наверное, покраснела, потому что Хильди схватила меня за руку и сказала:

– У тебя чудная фигура, Розмари, милая, ты будешь дивно выглядеть. Я точно знаю. И подумай о стрижке. Сможешь носить распущенные волосы. – Она взяла одну из моих косичек и покрутила ее между пальцами. – Такой чудный цвет, но, пойми, ты подчеркнешь лицо, если подстрижешься и избавишься от этих детских косичек.

Как я хотела искупаться с Хильди и Фрэнком! Но сама мысль о том, что отец позволит мне расхаживать на людях с голым телом, была смехотворна.

– У нее необычный для английской девушки цвет кожи и волос, как думаешь? – обратилась Хильди к Фрэнку.

Он прищурился, склонил голову набок, оценивая меня. Я покраснела.

– Не можем же мы называть ее Розмари, это слишком старообразно, – сказал он. – Давай звать ее Розы в честь ее розовых щек.

От этого я покраснела еще сильнее.

Потом мы с Хильди лежали на песке, позволяя солнцу греть нам ступни; она закатала брюки, я подоткнула юбку выше лодыжек. Фрэнк сидел рядом, курил, и, думая, что он не смотрит, я украдкой взглянула на него. Хильди тихонько засопела, ее аккуратная грудь вздымалась и опускалась.

– Чем ты занимаешься в Лондоне, Фрэнк? – спросила я, расхрабрившись от морского воздуха.

Он посмотрел на меня сверху и выдохнул дым через нос.

– Чем занимаюсь? Да ничем особо важным, милая Розы. Мама хочет, чтобы я сделал что-то хорошее. Отец хочет, чтобы я приносил пользу. – Он произнес это с крайним презрением. – Он же приносил. И мой старший брат. Армия, все такое. Война. Я это, конечно, не застал.

– У тебя был брат?

– Два. Мы с Хильди – дети от второго брака отца. Остальных давно нет.

– Ой, – сказала я, как дурочка, не в силах придумать, что добавить, пытаюсь понять, сколько же полковнику лет.

– Но я ни в чем никогда не был хорош, – продолжал Фрэнк. – Отец думает выдвигаться в парламент, знаешь ли. Хочет, чтобы я ему помогал. Только я ничего хуже и представить не могу.

Меня это озадачило. Я не понимала, как можно вообще ничем в жизни не заниматься.

Но разве ты не хочешь что-то делать? – Я знала, что ему не приходится зарабатывать на жизнь, как моему отцу, который вечно беспокоился о деньгах, как все в деревне и ее окрестностях, но мне казалось, что это так невыносимо скучно.

Он рассмеялся.

– Я помогу отцу с кампанией, раз он считает, что я должен, но люди, которые у нас бывают, так унылы, что это будет нелегко выдержать. Они ужасающе серьезны, а я, боюсь, так и не смог взрастить в себе интерес к чему-то, кроме спорта. Правда, думаю, твой отец к нам примкнет.

– К чему примкнет?

– К партии. – Он выдохнул в мою сторону струю дыма, и я закашлялась.

Фрэнк потянулся, взъерошил мне волосы, и я почувствовала, как кожу у меня на голове закололо.

– Ты скоро все сама увидишь, милая Роза. Отец устраивает для них в Усадьбе грандиозную вечеринку в конце лета, и твой отец приглашен. Полагаю, он тебя возьмет. Хильди будет на этом настаивать. И я тоже.

Тут он склонился и поцеловал меня в губы. Невинный поцелуй, просто прикосновение, но тем не менее вкус его сигареты, тепло его дыхания, морской ветерок у меня на коже слились в чудо. Я была так поражена, что отшатнулась и врезалась в бедную Хильди, спавшую у меня за спиной, – она зевнула и потянулась. Фрэнк встретился со мной взглядом, улыбнулся, широко раскрыв глаза, и приложил палец к губам (к губам, которые коснулись моих!).

– Боже, сколько же я проспала? – спросила Хильди. – Умираю с голода. Безусловно, пора пить чай.

И мы пошли обратно по набережной к машине, Фрэнк крутил в руке ракушку, его длинные пальцы гладили ее края и шелковистое нутро.

– Какая красивая, – сказала я.

– Она? – Он поднял руку, словно и не думал о ракушке. – Держи, это тебе.

Я робко улыбнулась и сразу спрятала ракушку в карман платья.

Добравшись домой, мы с отцом поужинали салатом и холодным пирогом с яйцом, которые нам оставила на столе Фейрбразер. Я скормила половину Уте, потому что без меня ее обижали. Долли, поденщица, давала ей вкусенького, если набиралась смелости, но Фейрбразер всегда говорила, что собаку мы испортили.

Тебе пойдет на пользу общение с людьми вроде Лафферти, Розмари, – заметил отец, и меня бросило в жар, хотя в его словах не было ничего дурного. – Леди Лафферти просила меня пригласить тебя на собрание, которое они устраивают для каких-то важных людей из Лондона, и я от твоего имени отказался, сказал, что ты – девочка наивная, выросла без матери и не привыкла к обществу.

– Отец, – начала я, пылая от негодования, – я не наивная!

Но отец улыбнулся мне одной из редких своих улыбок – больше она походила на гримасу, но все-таки была своего рода улыбкой, – поднял руку и сказал:

– Отставить атаку, дитя. Она решительно настаивала на твоём участии, и я уступил. Но ты должна вести себя как леди, Розмари, а не как дикарка, что у тебя вошло в привычку.

– Я буду! – воскликнула я и вскочила, чтобы обнять отца, но он меня оттолкнул.

Сердце мое металось. Фрэнк меня любит? Он за мной ухаживает? Я не знала. Я знала только, что очень любила бы Хильди, стань она моей сестрой, а к Фрэнку меня тянуло так, что болело сердце. Но он был старше меня и намного искуснее, и я гадала, не смеялись ли они, когда я вернулась в наш темный дом на краю болот, над моими деревенскими привычками, над тем, что я не знаю ни лондонского общества, ни политики – вообще ничего. Я боялась, что перед всеми этими лондонцами предстану той, кто я есть на самом деле, и Фрэнк меня не полюбит.

В тот вечер, раздеваясь, я нашла ракушку, которую он мне дал, и бережно выложила ее на подоконник к прочим своим сокровищам. Внутри она была розовой, перламутровой и напомнила мне открытый рот.

До званого вечера нам с Хильди выпала возможность надеть купальные костюмы. Фрэнклин предложил отправиться на лодке в Заводи, на этот раз только нам втроем. Всю неделю перед поездкой я от волнения едва могла есть и спать. Лето разгулялось напоследок, день стоял ясный и теплый. Хильди была за рулем отцовской машины, дух захватывало, я сидела рядом с ней, а Фрэнклин сзади. Мне приходилось придерживать шляпу от солнца, чтобы она не слетела с головы, и я невольно оборачивалась посмотреть, как дорога убегает прочь, как местные глазают на модную машину и как улыбается мне Фрэнклин, откинувшийся на кожаную спинку заднего сиденья. Невозможно было не улыбнуться в ответ, так меня переполняла радость.

На лодке Фрэнклин встал за штурвал – в белой морской фуражке и рубашке с расстегнутым воротом. Хильди тоже надела фуражку и комбинезон с длинными брюками, в котором выглядела невероятно высокой и элегантной. На мне, конечно, было длинное кремовое платье, у меня ничего, кроме платьев, не водилось, но под него, так чтобы отец не заподозрил, я надела горчичного цвета купальник, который нашла для меня Хильди; сама она из него давно выросла. Я никогда раньше не надевала купальник. В реке или море я плавала в панталонах и белье или, если рядом никого не было, как чаще всего и бывало, вообще без всего. Я хотела чувствовать воду на коже – так мне казалось, что я водяной ребенок, морская нимфа, русалка. Купальник Хильди был броского василькового цвета, как летнее небо в зените, а купальная шапочка – ярко-розовая, так что она выделялась, как экзотический цветок среди английских маргариток.

Лодку они взяли напрокат такую, какой я раньше не видела: моторный катер, называвшийся «Танцующий свет», он походил на яхту, только с мотором, а не с парусом. Фрэнклин смеялся и говорил, что это «чертовски легко, легче, чем ходить под парусом», и что я могу попробовать, если пожелаю.

– Резво бегают, – отметил он.

Главное было не слишком разгоняться, чтобы все остальные на своих старых парусных лодках и гребных шлюпках не злились, как сказал Фрэнк.

Мы забрали катер на причале в Уорксхэме и пошли по реке Бьюр к Хорнингу, где пообедали и выпили пива, сидя на траве в таверне «Лебедь». Я раньше никогда не пила пива, но они сказали, что в жаркий день это то, что нужно, и, хотя рот мне свело от резкого вкуса, а пена попала в нос, из-за чего я закашлялась, я допила все до дна, и они разразились одобрительными возгласами.

Потом мы с Хильди лежали на катере, пока он полз по реке. Мы уже были в купальниках, и я остро осознавала, какие у меня худые руки и ноги, как они торчат у всех на виду, и какое у меня тело – не совсем женское. Длинные, бледные конечности Хильди сияли на солнце. А у Фрэнклина, закатавшего рукава до локтей, предплечья были золотыми. Лежа на катере впереди – «на носу», как мне сообщили, – я решила, что могу подглядывать за ним, стоявшим у штурвала, так, что он не заметит. Но, когда я пялилась на изгиб его челюсти, там, где она переходила в шею, он меня застучал. На долгую секунду мы встретились глазами, и я вполне уверилась в том, что он знал, что я на него смотрю.

– Как тебе?

– Потрясающе, – сказала я, используя одно из их словечек.

– Скажи, да? По-моему, именно такое отец называет «буколической идиллией». Он считает, что современному человеку следует вернуться к природе, подальше от нездоровья и порочности общества.

– Я понятия не имела, о чем он говорит, но села, выпрямилась и постаралась сделать вид, что понимаю. Он полагает, что я – вроде символа этого современного недуга, – сказал Фрэнк со странной улыбкой. – И, возможно, он прав. В конце концов, он именно поэтому купил Старую Усадьбу. Поэтому ему тут нравится, вдаль от цивилизации. – Голос его звучал насмешливо и дразняще, но глаза были печальны. – Он стремится к настоящей Англии. Никаких иностранцев, никакого упадка. – Казалось, он снова меня заметил. – И, если бы мы сюда не приехали, я бы никогда с тобой не встретился. Благодаря таким, как ты, милая Роза, мир кажется хорошим – это все твоя неиспорченная прелесть. Ты сама не понимаешь, насколько ты особенная.

От его слов у меня звенело в голове. Как могло что-то быть хорошо благодаря мне – мне, подумать только! Но он смотрел на меня с такой горячей мягкой нежностью, что я в ней таяла.

– Красота, правда? – продолжал он, поглаживая блестящее дерево штурвала.

Я представила, что его руки ласкают меня так же, как он прикасался к штурвалу, и, хотя больше он ничего не сказал, глаза его оставались прикованы к моим, пока я не почувствовала, как запылала моя кожа, и не была вынуждена опустить взгляд. К счастью, в это время показалась лодка, полная болтавших молодых людей и девушек. Они курили, смеялись, мужчины были в черных купальных костюмах, а девушки – в ярких, как у Хильди. Когда мы проплывали мимо, они замахали нам снизу, и, стоило мне помахать в ответ, один из молодых людей с шумным всплеском нырнул в воду. Когда он вынырнул на поверхность, его зачесанные назад волосы облепили голову, а с его загорелой кожи капала вода, как у водяного бога.

– Ого, – сказала Хильди, которая, как мне казалось, заснула, пока загорала. – Фрэнк, нам надо бы найти местечко, чтобы искупаться, как думаешь?

Фрэнклин согласился, и вскоре мы добрались до уединенного места на реке, где компании нам составляла только ветряная мельница. Мы с Хильди спрыгнули с катера и поплыли в прохладной полной тростника воде, а Фрэнклин отказался, сказав, что не захватил костюм; он сидел и курил, наблюдая за нами с борта. Над зарослями тростника порхали голубые стрекозы, на зеленой, как огурец, воде плясало солнце, и это напомнило мне, как назывался катер:

«Танцующий свет».

Несколько часов спустя, когда солнце уже клонилось к закату, мы выпили чаю, чтобы согреться, вернули катер на пристань и поклялись, что в следующий раз возьмем его на подольше. В следующий раз, подумала я, прижимая эту мысль к сердцу. На обратном пути в Стиффки машину вел Фрэнк, а я сидела рядом с ним, с меня сползал мокрый шерстяной купальник, кожу еще пощипывало от прохладной воды, усталость мешалась во мне с восторгом, и хотелось, чтобы этот день не кончался.

Я запомнила его навсегда. Тот день стал сияющим образом прошлого, беспечной юности, надежд и роскоши. Конечно, тогда я его так не воспринимала, я не знала, что он так надолго сохранит свой блеск. Я думала, впереди еще много таких же дней, и они были – но теперь, оглядываясь назад, я вижу, что тот первый раз на Заводях сияет ярче всех. Дразнящий проблеск жизни, которой я могла бы жить.

11

Вскоре после той поездки на Заводы погода переменилась, пришло унылое начало осени, но мне было все равно, потому что приближалась долгожданная вечеринка в Старой Усадьбе. День выдался отвратительный, порывы ветра несли с болот морось, света почти не было. Стены в доме отсырели, полы леденили ноги. Я выбралась наружу и провела весь день у Джейни, готовя в темной парилке ее домика любовное зелье. Когда я пришла, она собирала с потолочных балок пауков-балдахинников. Она бережно брала каждого пальцами, потом сажала в ладонь. Пауков она держала в густой копне своих жестких седых волос, «потому что они счастье приносят». Мне это всегда нравилось. Зелье предназначалось для лечения моего насморка, но с самого детства Джейни казалась мне волшебницей. Я верила, что она может вылечить что угодно, даже разбитое сердце. Она не только принимала роды и обмывала мертвых, деревенские приходили к ней с самыми разными напастями, в том числе и с любовью.

Ее полки были заставлены пыльными бутылками зеленого и коричневого стекла с темными жидкостями внутри, но что в них содержалось, я знала только отчасти. Хотя кое-что из того, чему Джейни меня учила, я запомнила и могу рассказать сейчас, как заклинание без результата. Одуванчик был от беспорядка с кровью, окопник от растяжений и ран, верхушки крапивы от кашля, алоэ от ожогов, тысячелистник от поноса и несварения, мандрагора для кожи. Были и пустые бутылочки, в которые Джейни складывала обрезки ногтей и волосы тех, кто думал, что их заколдовали. «Сейчас таких почти нет, но ты диву дашься, сколько народу приходит за всяким». Потому что, несмотря на то что вера в ведовство шла на убыль с течением века, – так говорила Джейни, – люди по-прежнему боялись того, чего не понимали, и шли к ней с тоской и необъяснимыми болезнями, от которых не было исцеления. Она пыталась помочь травными снадобьями и, наверное, произносила какие-то слова, которые звучали как заклинания, хотя я не знаю, были ли ими на самом деле. Но если те, кто к ней приходил, верили в эти средства и им это помогало, какая разница? В тот день она дала мне тысячелистника. Сказала, чтобы я оторвала один из его зазубренных листочков и пощекотала себе нос изнутри, повторяя:

Деревей, деревей, Белым цветом цвети. Если милому мила, Носом кровь пусти.

Я изо всех сил сморкалась в платок, но вышла только липкая слизь, ни капли крови. Джейни хихикнула и сказала, что этого и следовало ждать, он же меня едва знает. По-моему, она меня дразнила.

В любовное/противопростудное зелье входили: вербена; жженный можжевельник; мед.

Все это она принесла из своего сада или из улья, вместе с тайной составляющей, «эликсиром», как сказала Джейни, который пах очень похоже на камфару. На вкус зелье было горько-сладким и оставляло на задней стенке глотки древесный, сосновый привкус.

К вечеру, когда должен был начаться прием, я не сомневалась, что оно сработало и Фрэнклин найдет меня совершенно неотразимой. Из носа у меня больше не текло, мне казалось, что я сияю здоровьем.

Людям, выросшим в других условиях, может показаться странным, что я цеплялась за эти верования и суеверия, несмотря на то что мне открывался современный мир. Но здесь, в деревнях вроде моей, на забытом участке побережья, вдали от отдыхающих, от городской жизни и так называемого движения прогресса, время идет иначе. Здесь еще есть люди, которые следуют обычаям, отличающимся от тех, что несут с собой коммерция и время, созданное человеком. Есть то, что старше машин, электричества и телефонов, то, что сохраняется, как черный слой ила на болотах, скрытое под верхним слоем рациональности. Я не говорю, что эти обычаи лучше, но они есть, нравятся они вам или нет.

Место почти кончилось, и к тому же я пишу уже два дня в перерыве между работами в саду, и я устала. «Что вы пишете, мисс?» – спрашивают меня. Но я им не скажу. Завтра возьму следующую книжку. Мне еще многое нужно написать.

12 Церковь

23 ДЕКАБРЯ

Порыв ветра ударил в окно, заставив его застучать, и что-то светлое с тихим стуком упало на пол. Голова Мэлори рывком поднялась от книжки. Ничто в полутемной комнате не шевелилось. Она медленно осознала, что ночь возвратилась в жутковатую тишину, словно все шумы заглушил какой-то туман. В полусне Мэлори посмотрела на лежавшие на прикроватном столике часы; их циферблат освещала лампа. Самое начало первого.

Сидя в темной спальне, Мэлори потеряла глаза. Сквозь занавески сочилось серебристое сияние. Наверное, луна. Надо было попытаться закрыть окно, и она выскользнула из постели, задохнувшись от холода. Пошевелившись, ощутила в глубине головы какое-то легкое дребезжание вроде начинающейся мигрени или похмелья. На полу у окна лежала ракушка, перламутрово-розовая изнутри, должно быть, она упала с подоконника. Мэлори подержала ее на ладони и попыталась понять, почему она кажется знакомой. Снаружи тихо падал снег, и все укутывало тонкое покрывало серебристой белизны.

Мэлори вцепилась в край подоконника и нечленораздельно вскрикнула. Что-то – кто-то? – двигалось в снегу. Тень. Рука Мэлори поднялась, словно хотела до нее дотянуться. Смутная, бледная тень, легкое затемнение в бесконечно белом, словно фигура, одетая в снег. И – ничего. Мэлори чувствовала себя глупо – в деревне ей было так непривычно, все эти звуки и крадущиеся ночные тени, так далеко от знакомой безопасности уличных фонарей, магазинов и баров. Снаружи был только снег, он мягко падал огромными хлопьями, белые пушинки в темноте. Завороженно стоя у окна, Мэлори ущипнула себя за голую руку, ощутила боль. В постель. Она не в себе. Надо вернуться в постель. Спотыкаясь, она добрела до кровати, рухнула туда и укуталась в одеяла. Боль в затылке отпустила, но мозг полностью занимала эта девушка – девушка с фотографии в газете, девушка в записной книжке, которая, казалось, говорила с ней напрямую. Книжка так внезапно оборвалась. Страницы еще оставались, но пустые, словно писавший чего-то недоговаривал. Это не могло быть концом истории. И не было, Мэлори это уже знала. Снимок девушки на газетной вырезке – дерзкий взгляд прямо в камеру.

Несколько часов спустя, всплыв из беспокойного сна, Мэлори открыла глаза и увидела комнату, залитую холодным светом. Не было слышно ни звука. Ни птиц, ни ветра, ни даже моря. Ничего, только легкое поскрипывание изогнутых стен дома. Мэлори хотелось пить, но ее стакан был пуст. Тишина казалась плотной, как вата. Еще не раздвинув занавески, Мэлори поняла почему. Все лежавшее перед ней было укутано глухой белизной.

Отвернувшись от окна, Мэлори увидела на полу у кровати тонкий прямоугольный пакет, перевязанный красной лентой для волос. Наверное, он выпал из записной книжки. Она подняла его и неловкими пальцами развязала ленту.

Внутри лежали две фотографии. Ее это неожиданно удивило, словно она читала вымышленную историю, а не рассказ о чьей-то жизни. На одной был юноша – привлекательный белокурый молодой человек в светлом костюме, небрежно прислонившийся к стене старого здания. Мэлори ощутила укол узнавания. Он напомнил ей Тони, каким тот был, когда они только познакомились, – такие всегда получают, что хотят. Но этот юноша был жесточе, чем Тони: прищуренные веселые глаза смотрят надменно, губы слегка искривлены, на лице высокомерное выражение. У Тони никогда не было намерения вести себя жестоко. Не то что у этого. Кто он, было очевидно. На обороте кто-то – Розмари, Мэлори узнала ее почерк, – написал: «Фрэнклин, август 1931 г.».

Из-за этого Фрэнклина по коже Мэлори побежали мурашки – странная смесь притяжения и отвращения. На ум ей пришел Тони, как он соскальзывает на вечеринке с дивана и берет ее ладонью за грудь. Он даже имени ее не знал. Она его оттолкнула, но его это, казалось, не беспокоило. И вот теперь она мерзнет в бугристой постели в уединенном доме на краю Норфолка, а что делает Тони? Ей было невыносимо об этом думать. Несомненно, на какой-то очередной вечеринке, в каком-нибудь крутом месте в Сохо. В этом весь Тони. Он всегда к этому возвращался. К пустоте темных подвальных баров и виски. И к лебезящей перед ним женщине, которая подавала напитки. Как она ошибалась, думая, что он вообще захочет жить с ней и Фрэнни. Здесь ему все было бы противно – в этом холодном, темном доме у моря.

На другой фотографии была молодая женщина. Сначала Мэлори подумала, что это сама Розмари. Но фотография была более старая, из другой эпохи. Женщина в длинном светлом платье с высоким кружевным воротником сидела на ротанговом стуле, вокруг стояли пальмы. Возможно, снимали это в студии. Маленькая бледная женщина с темными волосами, тонушая в жестком объемном платье, совсем еще ребенок. Неприятно вздрогнув, Мэлори поняла, кто она. Отсутствующая мать, потерянная мать Розмари, Луиза. И точно, на обороте другой рукой было написано: «Мисс Луиза, февраль 1912 г., Дели».

Мэлори сунула фотографии обратно в записную книжку и запихнула обе книжки под подушку, прежде чем накинуть кардиган поверх ночной рубашки и выйти на площадку. Из комнаты Фрэнни не было слышно ни звука. Внизу Мэлори умудрилась добиться того, что огонь, плюясь, ожил, и уселась перед ним, дожидаясь, когда тепло разольется по коже. Жар покалывал ей пальцы, но она не убирала руки. Спина, обращенная к комнате, оледенела, от шеи вниз сбегала дрожь, будто кто-то провел пальцем по позвоночнику. Кто-то прошел по моей могиле. Мэлори резко обернулась. Ничего – только диван и дурно написанный морской пейзаж со штормом. Промелькнуло воспоминание – кто-то, что-то – о белизне в саду. Среди ночи. Наверное, ей снилась девушка из записной книжки. Розмари, сказала она себе. Читать ее слова – все равно что заглядывать кому-то в мозг. Зря она стала читать. «Личные и тайные» – так там было написано. Она подсматривает, она – Любопытный Том. Но зачем писать, если не думаешь, что люди станут читать? А Розмари на самом деле хотела, чтобы кто-то это прочел, – даже написала что-то такое. Вместе с этим Мэлори думала, когда сможет улизнуть и начать читать вторую книжку. Она хотела знать, что случилось с девушкой. Чувствовала за нее какую-то ответственность, словно прочитав ее слова было долгом перед ней. И возможно, да, возможно, что в этих словах найдется какой-то ключ к тому, почему отец хранил фотографию этого дома. Мэлори вдруг поняла, что, пока читала, совершенно забыла об изначальных причинах, побудивших ее взяться за записные книжки. Но там ничего не было, ни слова о Гарри Скиннере или ком-то, кто мог им быть. Но, возможно, будет.

«Мне еще многое нужно написать». Мэлори услышала шаги и застыла. Оборачиваясь к двери, она мысленно увидела девушку в белом платье, входящую в комнату. Встревоженно вскрикнула. Это оказалась всего лишь Фрэнни, державшая на руках засыпанного снегом Ларри.

Мэлори выдохнула, у нее тряслись руки и ноги.

– Что случилось?

– Она засмеялась безумным фыркающим смехом, заставившим Фрэнни посмотреть на нее с подозрением. Ничего, милая. Ничего. Просто ужасно спала ночью. Ты выходила? Где была?

Фрэнни надела какой-то грязный желтый халат, цвета старого банана, поверх ночной рубашки, и большие толстые носки. Бледное лицо покраснело от холода.

– Ларри нужно было выгулять, мам. Весь сад засыпало снегом. Я замерзла.

Она подошла и села рядом с Мэлори, положив пса, который вытянулся у огня.

– Смотри, что я нашла.

Она протянула находку Мэлори – кусок песчаника, напоминавший сердечко. Но стоило Мэлори покрутить его в руке, он перестал походить на сердце. Просто камешек.

– Нужно повесить игрушки, пока папа не приехал.

Мэлори поморщилась. Ей не хватало духу – или смелости – сказать дочери.

Все утро Фрэнни развешивала игрушки, которые они нашли на чердаке, пристраивала древние выцветшие бумажные гирлянды и старые расписные фонарики на все карнизы, крючки и дверные ручки, потом выдвинулась наружу в пальто и резиновых сапогах лепить снеговика и срезать остролист и омелу, а за ней, почти скрытый снегом, помчался, лая на изгородь, Ларри. Мэлори поначалу не выходила из дома. Снова попыталась настроить транзистор, но не смогла найти среди помех станцию и выключила приемник. Бродя по комнатам – кормя Ларри, помогая Фрэнни развешивать игрушки, прибираясь, – она все возвращалась к девушке в записной книжке. Ее поражало, что эта деревня была домом Розмари, и в ней тоже должны были сохраниться следы ее жизни. И возможно – ну возможно же, – жизни самой Мэлори.

– Фрэнни, – позвала она, стоя у задней двери, – я собираюсь в деревню, хочешь со мной?

Она никогда не понимала, каким тоном разговаривать с дочерью. Вот этот веселый тон, которым она сейчас говорила, звучал фальшиво. И Фрэнни ощутила ее неловкость, как собака чует слабость. А вот Тони, чертов никчемный Тони, как-то понимал, как с ней надо, как ее рассмешить. Он поднимал дочку и кружил ее как нечего делать. «Я – не настоящая мать, – подумала Мэлори. – Просто играю роль».

На другом конце сада, в тени заснеженных деревьев, она различала коричневую шерстяную шапку Фрэнни, ее темно-синее пальто и желтые резиновые сапоги.

– Не хочу.

– Ну пожалуйста, – сказала Мэлори.

Господи, этот упрямый ребенок никогда не делал того, чего она от него хотела. У нее не было над ним власти. Фрэнни неподвижно стояла в снегу. Ее волосы выбились из-под шапки, которую связала мать Мэлори, прежде чем начала угасать. Их покрывали кристаллы снега.

– Ладно, – крикнула Мэлори. – Я ненадолго.

Она отыскала шубу и сапожки на меху, которые купил ей осенью Тони. На этот раз она пошла другой дорогой. Подумала, что, если дойти до конца проулка, можно увидеть море. Но, когда она туда добралась, болото тянулось до горизонта, застывшее, унылое, испещренное дырами, где поджидало бог-знает-что. Мэлори сокрушенно осмотрелась по сторонам, не понимая, куда идти. Над ней по гребню шла череда голых деревьев, хватавших воздух сучковатыми пальцами. По спине Мэлори пробежала дрожь, и она почувствовала, что нужно идти вдоль деревьев. Так сделала бы Розмари. По пути ее ничто не тревожило. Побывать одной после фиаско, которое она потерпела с Фрэнни, было утешением. Нетронутый чистый снег поскрипывал у нее под ногами. Ни людей, ни животных. Морозный тихий пейзаж выглядел апокалиптическим, или средневековым, или доисторическим. Не из этого времени. Она вырвала пучок перистой от снега травы, подумав, что это, наверное, и есть болотная трава, по которой бегала Розмари. Трава была грубой и колола кожу. Вскоре Мэлори вышла на тропинку, которая, как она решила, вела в деревню. Тропинка была древняя, без каких-либо признаков современной жизни. Вглядываясь в ее темный желоб, Мэлори думала, что могла бы так идти в любой момент за несколько последних столетий. 1960-е сюда не добрались. Узкая тропинка шла под уклон, насколько тут вообще мог быть уклон, и, хрустя девственным снегом, Мэлори чувствовала, как высокие изломанные деревья по обе стороны замыкают пространство, словно там таится что-то, что может на нее броситься. Она пошла быстрее, глядя только прямо перед собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.